

**МЕЙНАРД ВУД, ГЕРБЕРТ ГРАНТ,
ДЖЕК КИТЧИНГ И ДР.**

**ПЕПЕЛ К
ПЕПЛУ
(СБОРНИК)**

Мейнард Вуд
Пепел к пеплу (сборник)

«Остеон-Групп»

Вуд М.

Пепел к пеплу (сборник) / М. Вуд — «Остеон-Групп» ,

ISBN 978-1-4991-2894-9

Хотя детективный жанр – это высокое и раскидистое древо с крепкими корнями, он совсем не чуждается сотрудничества с другими жанрами – готикой и фантастикой. Разве хороший сюжет можно испортить тайной и преступлением? Разве не полна тайн атмосфера готических произведений? В сборнике представлены английские авторы, писавшие готические, детективные и фантастические произведения. Это первые переводы известных на Западе авторов на русский язык.

ISBN 978-1-4991-2894-9

© Вуд М.
© «Остеон-Групп»

Содержание

Предисловие от составителя. Идеальный партнер по преступлению	5
Мейнард Вуд	7
История Черного леса	8
Пролог	8
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пепел к пеплу

Готическая и детективная фантастика в переводах Татьяны Адаменко

Предисловие от составителя. Идеальный партнер по преступлению

Хотя детективный жанр – это высокое и раскидистое дерево с крепкими корнями, он совсем не чуждается сотрудничества с другими жанрами, и, как правило, от этого выигрывают оба. В самом деле, разве хороший сюжет можно испортить тайной и преступлением?

Составители этого сборника горячо любят готику, фантастику и детектив во всех его обликах. Готика представляется нам этакой чопорной английской бабушкой множества современных жанров. Ведь сюжетный центр любого готического рассказа – это тайна; а где тайна, там должна быть и разгадка тайны.

Поэтому первые намеки на детектив появляются еще в классической готической новелле «История Черного леса» Мейнарда Вуда, в которой довольно беспутный молодой аристократ, спасаясь от кредиторов, уезжает в глухую йоркширскую деревушку и вскоре убеждается, что она полна тайн, которые могут угрожать его здоровью и жизни.

«Крепкий сон» – классическая история о призраке и семейных скелетах в шкафу.

В маленьком рассказе «Барон-музыкант» сверхъестественное возмездие настигает того, кого в наше время окрестили бы маньяком-убийцей.

Про автора рассказа «Гнев призрака» Джона Китчинга практически ничего не известно, кроме того, что он был знаком с родоначальником мистического детектива Уильямом Хоупом Ходжсоном и по его настоянию опубликовал в журнале «Лентяй» эту дружескую детективную пародию. Других публикаций этого автора нам найти не удалось; возможно, остальные его произведения так и остались известны только в кругу друзей.

Рассказы Герберта Гранта уже полностью принадлежат двадцатым годам прошлого века – а ведь это была не только «бель эпок» всей Европы, но и Золотой Век классического детектива. Расследование, кстати, ведет реальное историческое лицо – глава Скотленд-Ярда времен его становления сэр Чарльз Роуэн. Несмотря на то, что в мире фэнтези-детективов мистера Гранта существует магия, он соблюдает главное правило классического детектива – дает читателю все ключи к самостоятельной разгадке тайны.

В рассказах миссис Марты Стенхоуп, которая публиковалась с тридцатых по пятидесятые годы прошлого века, действует очень необычная для тех времен героиня: девушка-патологоанатом Элис Тэйл. Прочитав ее биографию, можно понять, чем был определен такой выбор. Произведения миссис Стенхоуп можно назвать судебно-медицинским фэнтези-детективом, поскольку в мире Элис действует довольно необычная магия Талантов.

И завершает сборник рассказ Фрэнка Торнтона в антураже шестидесятых «Прозрачная история». Автор этого рассказа очень много путешествовал, и его заметки с отчетами об увиденном охотно публиковало большинство второстепенных английских и американских журналов того времени. Все его фантастические рассказы тоже прямо или косвенно затрагивают тему путешествий. В «Прозрачной истории» инопланетян Шабдрунг пытается найти виновного среди экипажа космического грузоперевозчика. Детективная линия размывается, хотя при желании читатель все равно может поиграть в самостоятельный поиск отгадки; главным является описание экзотического мира, где каждый может видеть чувства другого.

Мы надеемся, что этот «ряд волшебных изменений милого лица» покажется Вам, уважаемый коллега по любви к детективу, интересным и увлекательным.

Мейнард Вуд (1815–1870)

Родом из состоятельной семьи банкиров. Священник, собиратель фольклора, спортсмен, филантроп. Детство и юность вместе с родителями провел в Индии, никогда не учился в школе, что не помешало ему в 1824 году поступить в Оксфорд. Получил степень магистра, затем был рукоположен и назначен в приход Мейхем-парва в Девоншире. Был одним из учредителей публичной бесплатной библиотеки, основу которой составило его личное собрание книг. За гонорар от первого сборника рассказов на основе фольклорного материала отреставрировал фрески в церкви своего прихода. В отличие от сборников фольклора, готические рассказы и новеллы он публиковал под множеством псевдонимов; авторство нескольких вещей, в том числе «Истории Черного леса» он признал в частных письмах друзьям, но предполагается, что на самом деле им написано намного больше. Занимался игрой в крикет, плаванием, фехтованием. Коллекционировал трости и зонтики.

История Черного леса

Пролог

Уже второй час Билли Спенс обходил кругами рождественскую ель, главное (и единственное) украшение площади Блэквуда. Высотой эта ель была не менее сорока футов – стройная красавица-великанша, и нижние ветви опоясывали гирлянды из небрежно отшлифованных ярких камешков. На каждом камне красовался причудливый знак, похожий на скандинавские руны, выписанные готическим шрифтом; а между гирляндами ангелы из фольги, пряничные человечки, разноцветные шары и позолоченные массивные кресты увешивали ее так густо, что трудно было даже рассмотреть цвет хвои. Тем более трудно в зыбком свете луны было определить, действительно ли иглы и ствол этой ели имеют причудливый фиолетово-черный оттенок, или это всего лишь забавная оптическая иллюзия.

Даже не всматриваясь слишком пристально, можно было заметить еще одну странность: в неподвижном морозном воздухе ель легонько покачивала лапами, словно кокетливо приглашая собой полюбоваться.

Билли смотрел на движения ели равнодушно, с философским спокойствием повторяя круг за кругом. Только когда его взгляд возвращался к желтым прямоугольникам окон в домах, окруживших площадь, на его лице проступала тоскливая зависть.

Время от времени в окнах появлялись силуэты: мать поднимала ребенка на руки, чтобы он еще раз мог полюбоваться сияющей рождественской елью и ее дозорным. Иногда к ним подходил еще и отец семейства, и, вынув изо рта трубку, дружески кивал сторожу. В такие моменты Спенс вспоминал, что его обязанность не только скучна, но и почетна; Билл Спенс выпрямлял спину и изображал воинское приветствие в собственной интерпретации.

Но знаки внимания скрашивали его дежурство все реже и реже, пока все окна в домах не закрылись ставнями, как глаз спящего закрывает веко. Поверх грязно – белого, истоптанного сапогами всех обитателей Блэквуда, снега на площадь уже ложилось белоснежное покрывало, становясь все толще с каждой минутой.

Сторож делал один круг за другим молча, досадливо пыхтя; останавливался он только для того, чтобы достать массивную флягу, отвинтить крышечку и плеснуть под корни ели жидкость темно-красного цвета. Она упругими толчками лилась из широкого горла фляги вниз, и ель вздрагивала, словно женщина, которая брезгливо подбирает юбки от уличной грязи. На белом снегу лужицы казались то пурпурными, то черными, похожими на кровь; но далеко расходившийся в звонком морозном воздухе запах подсказывал, что это обычное вино.

Но когда все окна погасли, а снег на площади сиял по-прежнему, Билли Спенс нарушил молчание. Теперь тишину зимней ночи разбавляло не только похрупывание снега под его сапогами, а еще и его жалобное, невнятное бормотание, из которого иногда с поразительной отчетливостью вырывались слова «вино... лучшее... церковное...», «чертов жребий», и «дряная деревяшка!».

Прислушавшись к ним, можно было сделать вывод, что Билл Спенс недоволен своим жребием не в метафорическом, а в самом что ни есть буквальном смысле – именно он из всех мужчин Блэквуда вытащил жребий на это странное дежурство. Кроме собственной катастрофической неудачливости, его страшно возмущало то, что «лучший кагор» идет не ему в глотку, а впустую под корни «дервяшки». Так он бормотал довольно долго, находя все новые краски для описания своих несчастий. Он уже позабыл о том, что каких-то пару часов назад, во время представления, он был героем для всей детворы Блэквуда; и видел только нынешние свои страдания, с каждой минутой становившиеся все нестерпимей.

Наконец на одной из своих остановок он, воровато оглянувшись, часть содержимого фляги отправил под корни, а часть употребил внутренне. С каждой новой остановкой он обде- лял ель все больше и больше, пока на ее долю не пришлась пара последних капель, а на долю Билли Спенса – остальное содержимое фляги.

Ель теперь не просто раскачивалась, а дрожала, игрушки на соседних лапах сталкивались с мелодичным звоном; наконец один из хрупких стеклянных шаров не выдержал, и его осколки брызнули Билли прямо под ноги. Он бестрепетно, словно не заметив, наступил на них сапогом.

– Ты... стой здесь, а я домой пойду... греться! – внушительно помахал Билли флягой. Сказано – сделано, и, слегка загребая ногами, Билли пошел с площади прочь. Видимо, вспо- мнив о долге, он обернулся:

– Никкуда! Не уходи... ик! Я с утра... приду, проверю!

И, больше не оборачиваясь, отправился домой, к жаркому камину и уютной постели.

Ангел из фольги слетел вниз и утонул в винной луже. Мнимый ветер, раскачивающий ель, то затихал, то снова усиливался. Снег давно был сброшен с еловых лап, игрушки болтались на них, как серьги в ушах местной красотки на ухабистой дороге; к звону разбивающихся шаров добавился скрип и треск. Лопнула нить гирлянды, и камешки разноцветной стайкой ссыпались вниз.

Вдруг одна еловых лап – не засохшая, с побуревшими иглами, а широкая, пушистая, в полном расцвете своих жизненных сил – оторвалась от ствола и рухнула вниз. От того места, где оторванная ветвь раньше крепилась к стволу, по коре прошла странная рябь, треск усилился. Ель кричала почти человеческим голосом, раскачиваясь, словно в бурю.

И вдруг кору изнутри прорвали пять вертикальных трещин. Они быстро побежали вверх по стволу, который со звуком оборвавшейся струны треснул и раздвоился у корней. Из тре- щины сочились медленные черные капли. Толстые клейкие нити словно пытались скрыть и стянуть рану, но трещина все ширилась; и уже можно было увидеть, что внутри ствола с над- садными стонами копошится какое-то существо, пытаясь увеличить разлом. Наконец ему это удалось.

Задыхаясь, нечто выбралось наружу и рухнуло в снег. Ель затрепетала в последний раз и усыпала лежащего на снегу черными иглами.

Декабрь 18.. года

«Дорогой Джеймс!

Ты уверен в необходимости соблюдении стольких мер секретности при обычной дружеской переписке? Я полагаю, что ты переоцениваешь изобретательность моих кредиторов; а твои слуги известны всему Лондону своей неподкупностью. Но ты настаиваешь, и я подчиняюсь – из уважения если не к твоему возрасту (возраст как таковой никогда не вызывал у меня должного почтения), то к твоему уму и опыту.

Тем не менее, я был убежден, что в Блэквуде, графство Йоркшир, меня ждет только йоркширский пудинг и *скука, скука, скука...* и еще раз *ennui*. Поэтому я взял с собой решительно все средства борьбы с этой кровопийцей. Так как вряд ли в этой деревне имеют понятие о покере и фараоне, – а обчищать вдовушек в бридж в мои планы пока не входит, – я взял с собой твою книгу о фольклоре Северной Англии. Думаю, вряд ли твое авторское тщеславие до сих пор было удовлетворено тем, что я держал ее на самом почетном месте – неразрезанной. Теперь я твердо намерен ее прочитать! Ты упоминал, что там есть и легенды, собранные в Блэквуде.

Уверен, хотя бы несколько из них касаются той *colossale* черной ели на площади. Рано утром, когда мой дилижанс сквозь метель въехал на главную площадь, я вначале даже не понял, что это дерево. А когда понял, то мне немедленно захотелось нарисовать ее и окружающую ее обстановку, используя только две краски – белую и черную. Белый лист и уголь... Как обычно, прекрасную картину испортили люди. Целая толпа разъяренных пейзажистов искала какого-то сторожа и грозила разнообразными карами. Сторож благоразумно не появлялся. Список кар, очевидно, был взят из Библии, так что я изрядно позабавился.

К сожалению, этюдник, как и многое другое, я был вынужден оставить в Лондоне. Сайлас, мой камердинер, наконец взбунтовался и объявил мне, что нашел «место, где платят». Оказывается, он нашел работу у торговца, разбогатевшего на войне настолько, что он смог купить дворянский титул. *Какое падение!* Но в результате мне пришлось самому тащить весь свой багаж в дилижанс. Мой гардероб не вошел в одно отделение – пришлось раскладывать его по двум, за что кучер самым наглым образом потребовал доплаты. Но я одарил его только фирменным взглядом Блессингемов «исподлобья сверху вниз». Кучер был фраппирован и отступил.

Дорога была настолько ужасной, насколько вообще может быть пятидневная дорога с ночевками в дешевых тавернах с отвратительным пивом и первосортными клопами. В одной из таких таверн я откупорил бутылку «Моэт и Шандон» из своего багажа и сам себя поздравил с совершеннолетием. Больше в дороге ничего интересного не происходило, поэтому лучше я напишу тебе о доме и о моей неожиданной находке в нем. Впрочем, пока эта находка кажется мне весьма *intrigant*.

Итак, дом – двухэтажное каменное строение в преимущественно одноэтажной деревне, угрюмое, запущенное и с тьмой сквозняков, прекрасно заменяющих фамильные привидения. Уверяю тебя, что если бы ты его увидел, первой мыслью, посетившей тебя, стала бы мысль о ревматизме. Итак, я не торопясь, обходил свои владения и пытался вспомнить, в какой степени родства я состою с Ирвином Блессингемом, завещавшим мне это сокровище. Выходило что – то вроде двоюродного дядюшки сестры моей матери... или дедушки?

Я бывал здесь несколько раз в детстве, когда моей матери пришлось в голову, что у меня слабые легкие; а так как уже тогда мы временами вынуждены были существовать в режиме строжайшей экономии, то вместо Ривьеры меня возили сюда. *Целительная сила природы* и пр. – не помню, как это будет на латыни. (Я твердо убежден, что мертвые языки – не для живых людей, и ни одному учителю не удалось меня в этом переубедить). Смутно помню самого старика Ирвина – пожалуй, только фирменные черно-седые блессингемовские брови и приятный запах его трубачного табака.

Но ничто в обстановке дома не разбудило моих воспоминаний. Так как я приехал неожиданно, то не смог заранее договориться об уборке, и дом встретил меня во всем своем *misère*. Я бродил мимо громоздкой, покрытой отсыревшими чехлами мебели, мимо паука, свившего свою паутину прямо на камине, по скрипучей лестнице на второй этаж. И тут, подобно Робинзону Крузо, я заметил в многолетней пыли следы.

Стараясь двигаться как можно тише, (хотя до этого я перемещался по дому отнюдь не бесшумно и давно мог спугнуть таинственного посетителя) я

вернулся к груде своего багажа и достал лежащий сверху пистолет – один из той дуэльной пары, за которую я должен Монктонам двадцать фунтов.

Осторожно, стараясь, чтобы ступеньки под моими ногами не скрипели, я поднимался по лестнице, прислушиваясь к любому звуку. Но дом был полон ими – шуршанием, шелканьем, вздохами и стонами ветра в каминных трубах.

Следы заканчивались у двери одной из спален. Я не знал, вломиться ли туда с решительным криком, на манер героев бульварных рассказов, или красться, затаив дыхание; а потому выбрал нечто среднее.

На широкой кровати, до подбородка укрывшись сорванным ключьями балдахина, сидел человек и смотрел на меня широко открытыми, блестящими глазами. Длинные черные волосы сбили меня с толку – на мгновение мне показалось, что это женщина; но лицо, полускрытое спутанными прядями, было мужским. Мой незваный гость сидел молча, все больше вжимаясь в стену. Взгляд переходил с моего лица на мой пистолет. Я не заметил на его лице ни испуга, ни удивление, одно только напряженное внимание. Он, казалось, сосредоточенно размышлял, глядя на меня; и я чувствовал, что мой гость способен на труднопредсказуемые поступки.

– Вы кто такой? – задал я резонный вопрос. – Он промолчал.

– Откуда вы взялись? – попробовал я снова. – Что здесь делаете?

И снова молчание.

– Вы немой?

– Вы преступник?

Он медленно покачал головой. Его спокойствие в чужом доме выглядело довольно *странно*.

– Ты не немой, но говорить не хочешь, – начал я раздражаться. – *Excellent!* И что, по-твоему, я должен с тобой делать?

– Придется закрыть тебя здесь и сообщить местным о таком *госте*.

И снова спокойное молчание.

– Ну, раз ты не возражаешь, значит, согласен, – заключил я и направился к двери. Признаться, я плохо себе представлял, где искать ключи, чтобы запереть его в спальне. Но мой блеф сработал – гость заговорил.

– Не нужно... местных. Пожалуйста.

– Почему? – счел нужным поинтересоваться я: хотя я думал, что отлично понимаю его мотивы, мне хотелось послушать, какие он приведет аргументы. Но мой *visiteur* снова сумел меня удивить.

– Они убьют меня, – произнес он до того просто и убежденно, что и я на мгновение поддался его уверенности. Выговор у него был довольно правильный, но со странным, не свойственным жителям здешнего захолустья акцентом.

– Что же ты натворил? – поинтересовался я.

– Ничего, – спокойно ответил он.

– А почему прячешься?

– Здесь чужих не любят, – просто объяснил он. – А я очень замерз.

Выпустите меня, и я уйду. Пожалуйста. Я ничего у вас не взял.

– И не собирался?

Он снова промолчал, пожатием плеч отменяя мои подозрения. Его поведение интриговало меня все больше и больше.

– И куда же ты собираешься? – полюбопытствовал я. Мой собеседник утратил спокойствие – в глазах промелькнула растерянность.

– Я еще не знаю, – задумался он. – Только не надо никого звать, прошу вас. Просто... разрешите мне уйти.

Я задумался. Конечно, не было ничего удивительного в том, что он боялся порки за бродяжничество; к тому же, вполне вероятно, что он ее заслужил, но почему-то мне не хотелось отдавать его в руки местного правосудия. За время нашей беседы (если это можно так назвать) я успел рассмотреть его подробнее: парень был еще очень молод, даже младше меня, и тощ, как *squelette*. Под заостренными скулами зияли провалы щек, и большие глаза редкого сине-зеленого оттенка на исхудавшем удлинённом лице придавали бродяге неожиданное сходство с ликами святых.

– Я... бродяга, – осторожно начал он. – Чищу, чиню, латаю. Я поссорился со своими... компаньонами. Они бросили меня... недалеко отсюда. Я забрался к вам в дом, чтобы не замерзнуть. Я не знал, что... у него есть хозяин. Мне очень жаль...

Он замолчал, и я задумался, как мне поступить с моей неожиданной находкой. Ты знаешь, что обычно я стараюсь избегать ответственности – не раз меня в этом упрекал, – но мой гость ухитрился загнать меня в *ethique* тупик. Выгнать этого бедолагу на мороз было впрямую равносильно *assassiner*; а местные власти после хорошей порки за «самовольное вторжение» вернули бы его зиме, как законную добычу. К тому же, мне совершенно не хотелось их разыскивать в первый же день моего приезда – я устал и нуждался в отдыхе.

А как бы ты поступил на моем месте?

Пока я раздумывал, мой гость с почти неестественным спокойствием ждал моего приговора, ни словом, ни жестом не стараясь больше меня убедить. И наконец я принял решение.

– Что ты еще умеешь – кроме как чинить, латать, паять? – спросил я. Мой собеседник не растерялся. Без пафоса, с едва уловимым оттенком гордости ответил:

– Все!

Втайне я обрадовался такому ответу.

– Тебе очень повезло, что у меня освободилось место камердинера. А еще повара, прачки и приходящей прислуги. Согласен?

Я редко получал столь полное и горячее согласие, даже когда назначал встречи *tete-a-tete* лондонским прелестницам.

Жалованья не будет, только жилье и пропитание, – счел нужным я предупредить. И, клянусь, в голосе этого бродяги сквозила ирония, когда он ответил:

– Поверьте, сэра, меня это полностью устраивает.

Ну, Джеймс, что ты думаешь о моем маленьком приключении? Я постарался пересказать тебе наш разговор как можно точнее.

К вечеру я уже убедился, что он не лгал – возможно, несколько преувеличил, но не лгал. Он снял все чехлы, уничтожил паутину, развел огонь в камине, превратил мой скудный набор продуктов в отличный ужин и заставил угрюмый дом сиять чистотой. К тому же он убежденный трезвенник – отказался даже от глотка бренди из моего дорожного набора. Учитывая, что об оплате речь не идет, я считаю, что заключил выгодную сделку и вдобавок получил загадку, которую намерен разгадать; поскольку его объяснениям я не поверил ни на йоту.

Если ты собираешься встревожиться, вспомни, что я занимался боксом и способен за себя постоять. Самое ценное из моего скарба (то есть дуэльные пистолеты) я храню у изголовья, а скудную сумму наличности – на поясе. Ну все, мне пора заканчивать, правая рука уже начала болеть. Пожалуй, письмо вышло чересчур сумбурным, с избытком мелочных подробностей – но ведь ты, как писатель, любишь *détails*?

А я наконец-то отправляюсь в постель с «Легендами, сказками и преданиями Северной Англии». Надеюсь, сон не сморит меня раньше, прежде чем я доведу до конца хотя бы один рассказ.

Завтра начну свое знакомство с Блэквудом. Хотелось бы, чтобы оно не стало слишком тесным – я начал скучать по Лондону, еще не уехав.

С наилучшими пожеланиями,
твой почтенный, но беспокойный
– Энтони Блессингем»

**Из книги «Легенды, сказки и предания Северной Англии в обработке эск.
Дж. Э. Фоллоу»**

«... Когда чума уже во второй раз собирала богатый урожай в Англии, она заглянула и в одну деревушку в Северном Йоркшире. Говорили, что приехала она на возке комедиантов, которые, разъезжая по самым отдаленным уголкам страны, продолжали в то смутное и страшное время давать представления.

И, несмотря на все предостережения священника, люди пришли поглазеть на жонглеров, метателей ножей, акробатов, мага и женщину-змею. Артисты остались в деревушке на несколько дней, и когда их возок, покачиваясь, уехал прочь, никто их не задерживал. Но через день после их отъезда один фермер заметил у своей собаки зреющий в паху бубон. Он избавился от собаки, но было уже поздно: еще через день заболели свиньи, а потом фермер и вся его семья. Узнав про это, священник напомнил пастве о том, как они пошли смотреть представление язычников и тем самым подвергли опасности не только свои души, но и тела. Кроме того, священник сообщил о начавшейся эпидемии владельцу деревушки, барону. Барон страшно разгневался. Он приказал сжечь дом и двор фермера, и все его имущество, и самого фермера с семьей, чтобы остановить черную смерть; но этим барон не ограничился. В ярости на тех, кто, как он думал, привез смерть в его владения, барон организовал погоню и сам возглавил ее. В желающих поучаствовать не было недостатка.

Барон со своей свитой оседлали самых быстрых коней, каких только могли найти, и бросились в погоню. Разумеется, лошади, что были под бароном и его людьми, не шли ни в какое сравнение с клячами, что тащили разноцветный возок; уже на второй день они увидели вдалеке, на повороте дороги тех, кого преследовали. Но если погоня заметила комедиантов, то и они заметили погоню. Они не спрашивали, кто и почему их преследует, потому что в те смутные времена главным было вовремя скрыться от опасности. Не так далеко от них виднелся лес – мрачный лес, где черные ели высились среди прочих деревьев, как исполины-надзиратели. Обычно люди избегали черного леса, и дорога была проложена в объезд его, по самому краю, но у циркачей не было выбора. Бросив весь свой скудный скарб на дороге, они скрылись в черном лесу.

Барон приказал сжечь их повозки и, спешившись (потому что ели росли так густо, что лошадям негде было проехать) – снова возглавил погоню. Латы и кольчуги на преследователях замедляли их шаг, а циркачи бежали налегке. Барон увидел, что им грозит неудача, и остановил своих людей. Он сказал им: «Мы не будем ловить их по одному, а выкурим, как крыс, вместе с огнем». Сказано – сделано, и его люди начали рубить деревья и разводять огонь.

А циркачи в это время стояли так близко от них, что могли услышать каждое слово барона, и в ужасе прижались к деревьям, и каждый молился о спасении, чувствуя запах дыма. А ели шумели и раскачивались, словно на ветру, только раздувая огонь. И вдруг сквозь треск хвороста они услышали свиной визг – оттуда, где раньше стояли барон с его людьми. Циркачи не сразу решились подойти: но они слышали только визг, треск хвороста и ни единого человеческого голоса. Они боязливо вышли на поляну и едва не были затоптаны свиньями. Спасло их только то, что эти свиньи были в латах и кольчугах, пеленающих и сковывающих короткие свиные шажки. И когда циркачи поняли это, то подняли палки и принялись охаживать свиней по их щетинистым бокам так, что те с обиженным визгом разбежались по всему лесу. Когда свиньи разбежались, циркачи погасили костры и задумались, что им дальше делать. Все их имущество, реквизит, даже змея в клетке и золоченые булавы жонглера – все сгорело. Долго думали, в усталом оцепенении, пока не выступил вперед маг в рваной мантии и сказал: «Лес нас защитил, лес нас и накормит».

Такова одна из версий происхождения деревни Блэквуд. Следует заметить, что нынешние ее жители ничуть не похожи на предполагаемых предков.»

«Дорогой Джеймс!

Вместе с твоим ответным письмом пришел и твой подарок. Моя красавица Джинджер! Не буду кокетничать, отказываясь от нее и говоря, что я недостойн, только для того, чтобы обелить собственную совесть ... и дать себя уговорить! Да, я знаю, что недостойн, и в первую очередь недостойн такого друга. Я только что вернулся с верховой прогулки по йоркширским холмам – и тут же взялся за перо, чтобы выразить переполняющую меня благодарность.

Не могу описать свою радость, когда я увидел Джинджер... Каким неожиданным счастьем для меня было здесь, в этой глуши, полностью оторвавшись от всего, что прежде составляло мою жизнь, обрести вновь часть утраченного! Теперь мой распорядок дня существенно изменится к лучшему. (Ты поймешь, о чем я, когда я подробно опишу его далее).

Как ты ухитрился ее выкупить? Лорд Мортон никогда не отказывался от «еще одной партии» в надежде пополнить свою конюшню моей любимицей. В конце концов, как ты знаешь, Фортуна ему улыбнулась. Правда, до этого он не раз пополнил мой тощий кошелек, так что зла на него я не держу.

И я думал, что он ни за что ее не продаст – ведь в деньгах он не нуждается и фанатично увлечен скачками. Неужели слухи о том, что он пленен твоей воспитанницей, *charmant* Софи, все-таки верны, и это начало его превращения в достойного члена общества? А я полагал, что ему не хватит ума, чтобы оценить ее ум... прости за неудачный каламбур.

Ты рассказал мне о всех свежих новостях и сплетнях Лондона (Даффи наконец научился вязать?), а я в ответ могу отблагодарить тебя только длинным и скучным описанием жизни изгнанника в забытой Богом и почтовым министерством деревне. Обмен неравноценный, а потому прилагаю свои рисунки – портреты самых интересных местных обитателей; среди них мисс, с которой у меня состоялось приятнейшее знакомство... но об этом – позже.

Итак, встаю и ложусь я возмутительно рано, в десять часов. Небольшой променад для аппетита (местные провожают меня удивленными взглядами, словно впервые видят человека, который *прогуливается без определенной цели*), и я возвращаюсь к завтраку. Все свои *geras* я запиваю кофе, а чай могу себе позволить только в гостях.

Но до вечерних визитов я успеваю поработать в библиотеке, и в оранжерее – осваиваю непривычные для себя виды деятельности и в промежутках делаю философские умозаключения. Например, следующее: приятнейшее ничегонеделание возможно только при наличии *compagnons*, а в одиночестве приходится трудиться; и что нет ничего такого, к чему бы не мог принудить человеческое существо непрерывный снегопад в союзе со скукой.

Спешу тебя успокоить: я уже преодолел свою *mélancolie*, вызванную этим открытием. Представь себе, как я был удивлен, когда обнаружил в этом доме на втором этаже библиотеку, и довольно обширную, содержащую редкие и ценные тома, но в отвратительном состоянии. Вообрази себе «Маллеус Малефикарум» первого издания, переплет и обрез которого практически проела плесень! А также «Ангельские ключи» Джона Ди, любимого астролога Елизаветы, и «Внешний круг» Мирча Элиаде. Разумеется, продать их в таком состоянии невозможно, поэтому я просушиваю их у камина, подручным средствами стараюсь удалить плесень, чищу переплеты, *etc.*

Обедаю я чаще всего бутербродами и кофе, ненадолго отвлекаясь от груды лежащих передо мной книг. Когда у меня возникает такое желание, посещаю устроенный на заднем дворе импровизированный тир – но нечасто, потому что приходится беречь патроны.

В оранжерее объем моих работ несколько меньше: практически все делает мой *valet de chambre*, а я лишь иногда захожу выслушать лекцию о свойствах различных трав и, возможно, переставить горшки. Знания, которые он мне невольно демонстрирует своей работой, куда больше, чем может обрести обычный бродяга, но пока ни в одной беседе он не дал мне намека на их происхождение. Когда я вынуждаю его высказаться (по любому поводу – от погоды до моих рисунков) он говорит настолько кратко и уклончиво, насколько это возможно. Меня быстро утомляют эти бесцельные расспросы, и я оставляю Холлиса в покое – ненадолго. Тем не менее, вчера он дал мне краткую возможность заглянуть в его мысли. Начну с предыстории.

Ты знаешь, что Джинджер получила свою кличку не случайно, а благодаря горячему и *diablement* своенравному характеру. По дороге она себя не посрамила, едва не расколотив фургон для перевозки; а когда оказалась на открытом пространстве двора, то немедленно взвилась на дыбы, стряхнув с себя старшего конюха. Он, не вставая, отполз подальше от ее копыт; остальные конюхи к ней и не приближались, безмолвной группой оставаясь у фургона.

Я открыл рот, надеясь, что Джин успокоится, услышав знакомый голос... но тут я увидел, как Холлис спокойно идет к ней через весь двор, так

же уверенно и буднично, как женщина идет к колодцу за водой. С той же спокойной будничностью он наклонился и подобрал поводья, заставив Джин замереть, как памятник самой себе. Я был уверен, что Джин окаменела от его нахальства не больше, чем на пару секунд, и сам поспешил Холлису на выручку, стараясь двигаться быстро, но плавно и спокойно, чтобы не взбудоражить Джин еще сильнее; а она, к моему удивлению, просто фыркнула, помотала головой и без дальнейших возражений позволила Холлису отвезти ее на конюшню.

И тем же вечером мой камердинер сказал кое-что любопытное. Я разглагольствовал о характере и привычках Джинджер; и между прочим похвалил его за смелость, которая, как я внушительно сказал, «граничит с *téméraire*». Он что, и вовсе не умеет бояться животных?

– Но ведь бояться следует только людей, не так ли? – спокойно возразил мне Холлис. Свет от камина давал мало возможности разглядеть его лицо (свечи мы экономим), и тень превратила его лицо в гротескную маску, похожую на маски комедии дель арте, но без их грубоватого юмора – один только спокойный, сосредоточенный гнев. Выражение это стерла очередная прихоть светотени; осталось только вежливое внимание ко всему, что я пожелаю сказать дальше.

Но я молчал, обдумывая услышанное. Фраза, которую Шиллер мог подарить своему герою – из уст английского бродяги. Загадка все интересней, правда? Но пока единственным моим выводом, построенным на зыбком песке, стало то, что я предполагаю у своего замечательного слуги некоторый опыт конокрадства.

Как видишь, описание моих трудов (в которое вплелось описание моего камердинера) заняло куда меньше времени, чем они сами, и это довольно *insultant*. Перейду к своим развлечениям: они окрашены в скромные, пастельного цвета тона. Это вечерние визиты к доктору Стоуну, к мисс и миссис Чамберс, и в таверну «Черная смола», где иногда выступают местные самобытные таланты. К сожалению, самобытности в них намного больше, чем таланта; но, когда я вспоминаю струнные квартеты у леди Дэлси, скрипачей миссис Уитмор или клавикорды баронессы Шеффилд, то начинаю получать от здешней музыки самое искреннее, ничем не замутненное удовольствие.

Помнится, ты описывал мне необыкновенный напиток, который делают только в здешних краях – еловый джин «Черная смола». Я его предвкушал, и в таверне «Черная смола» я его попробовал. *Боже мой!* После этой чудовищно горькой, вяжущей небо и напрочь отбивающее вкус настойки я не шевелился и не дышал еще, кажется, с полчаса. То ли то «необыкновенный, мягкий вкус» сильно испортился с тех времен, когда ты здесь побывал, то ли твой собственный вкус в вопросе выбора напитков отличается редкой *оригинальностью*. Но справедливости ради скажу, что те, кто заказали «Черную смолу» в тот вечер вместе со мной, тоже жаловались хозяину на ее вкус и говорили, что «смола какая-то не такая». По-моему, наоборот – как раз такая смола, какой она и должна быть. Доктор Стоун любезно просветил меня, из чего ее делают – оказывается, из той самой черной ели, что я видел на площади. Для изготовления джина на один бочонок идет не больше трех иголок. По моему скромному мнению, и они были лишними.

Затем возвращаюсь к себе домой (непозволительно рано, как я уже говорил), где у изголовья меня теперь ждут целых две книги:

«Легенды Блэквуда» и присланные тобой три выпуска «Ярмарки тщеславия». Увлекательно, но автор уж слишком лелеет и декларирует собственный цинизм, что, на мой взгляд, доказывает поверхностные знания автора по этому предмету. Если бы он изучал его более углубленно, то знал бы, что истинный цинизм скромен, его девиз «Не словом, а делом». Вот увидишь, автор не сможет закончить книгу, не подарив счастья всем ее героям!

Продолжу письмо завтра с утра, от свечи остался коротенький пенек. Тогда и расскажу историю моего знакомства с местными представителями *Beau Monde*. Боюсь, сейчас я только перескакивал с пятого на десятое, стремясь сжать впечатления двух недель на одном листе.

P/S: Никогда я не был таким деятельным, как в борьбе со скукой...

Из книги «Легенды, сказки и предания Северной Англии в обработке эск. Дж. Э. Фоллоу»

«...Никого в Блэквуде не было красивей, чем Кэтрин Стоун, дочери старого вояки Стоуна. Она была такой же неугомонной и быстрой, как ручеек, скорой на улыбку и на шутку, заботливой, как перепелка, а уж красивой! Глаза как фиалки лесные, волосы цвета пшеничных полей, кожа белей, чем шерсть новорожденного ягненка. Многие кумушки Блэквуда, глядя на эту девушку, мечтали о такой работящей невестке. Сыновья их в материнских намеках не нуждались (хотя вряд ли задумывались о том, какая из Кэтрин работница), и всегда на танцах и гуляньях Кэтрин собирала возле себя толпу парней, как душистый цветок – гудящих пчел. Много раз могла она выйти замуж, но всем отказывала; и уже пошли слухи о том, что она – де привередлива и капризна, и пора отцу ее приструнить. Но старик обожал свою единственную дочь, свое солнышко, и ни к чему принуждать ее не хотел; и к тому же боялся, как он сам-то с молодым зятем уживется.

И вот однажды жарким летом Кэтрин с подругами пошла в лес за ягодами. Когда коробы их наполнились, девушки поставили их на землю, а сами сели под елью и – понятное дело – стали парней обсуждать да сплетничать, кто кому нравится, да кто на кого как посмотрел... а Кэтрин молчок – ни слова. Девушкам любопытно стало, и давай они выпытывать, неужели ей ни один из фермерских сыновей не был хоть чуточку хорош? Столько раз к ней сватались, что уж могла бы выбрать себе кого-нибудь по сердцу! Вспыхнула тогда Кэтрин и сказала, что все они хороши, но ни один ее сердце чаще биться не заставил. И сказала мечтательно, глядя вверх: «Вот если бы встретился мне парень такой же прямой и сильный, как эта ель, такой же высокий и черноволосый... я бы вышла за него замуж!»

И едва она это сказала, как на нее насмешки словно из мешка посыпались. Сильнее всех те девушки старались, кому красота ее и добрый нрав были, что кость в горле: предлагали здесь, под елью, остаться, с елью повенчаться и шишки рожать. Кэтрин такого не ожидала: сначала отишутиться попыталась, потом разозлилась, а потом поняла, что вот-вот расплачется, и пошла от насмешниц прочь все быстрее, пока слезы из глаз не брызнули. Притихли девушки с ее уходом, но звать-искать не стали – домой пошли. Решили, что сама она вернется, как свечерет.

А Кэтрин-то как раз дорогу к дому потеряла: бродит по лесу, бродит – а солнышко уже к закату клонится. Хотела она уже гордость перебороть, позвать подружек, но вдруг видит: человек в лесу стоит –

высокий, широкоплечий, черноволосый, как ель прямой. Стоит и глаз с нее не спускает. Оробела Кэтрин, но подошла поближе – а когда в глаза его заглянула, то весь мир и себя потеряла, слышала только, как сердце ее стучит. Часто-часто, как полковый барабан. Долго она ни слова вымолвить не могла; наконец спросила у незнакомца, как его зовут и кто он. Улыбнулся молодой человек ей ласково и сказал: «Зовут меня Пайн Три, и я тот, за кого ты обещала замуж выйти».

Он взял ее за руку, а Кэтрин молча за ним пошла. Вернулись они к той ели, под которой она с подружками сидела. Только короб ее под елью остался. Один шаг Кэтрин сделала по черной хвое, второй... а третий уже по облакам. Ахнула в ужасе, но спутник крепко ее за руку держал, не давая упасть, успокаивая... и, когда страх утих, Кэтрин увидела, что облака на самом деле не белые, а разноцветные: алые, синие, золотистые, и волнуются, как целый океан. А на горизонте этот океан в зеленую землю переходит, и лес по ней черной полосой.

Когда ступили они на эту землю вдвоем, Кэтрин увидела, что лес похож во всем на лес Блэквуда – но не такой. Яркий, словно на витраже церкви в солнечный день. Пайн Три вывел ее на поляну к дому, красивее которого Кэтрин не видела, хотя так и не смогла понять, из чего же он построен. Перенес он ее через радужный порог, и внутри Кэтрин увидела женщину, уже седую, но красивую и стройную, очень похожую на ее спутника, только еще выше, чем он.

Пайн сказал: «Мать, это моя жена, позаботься о ней». Кэтрин смутилась, глаза потупила и подумала: «Разве так можно? Разве люди так поступают – ни с того ни с сего жену в дом привести, не предупредив и не спросив. Ой, сейчас она на нас накричит и выгонит!» Но миссис Три ответила сыну: «Рада я, что ты после стольких веков наконец отыскал себе девушку по сердцу. А раз так, то я о ней, как о дочери буду заботиться!» И улыбнулась Кэтрин так тепло и приветливо, что ей показалось, будто в комнате солнышко вошло.

Хорошо ей жилось в новом доме. Днем она вместе с миссис Три работала по хозяйству: пряла, ткала, вышивала, паутину развешивала, учила с птицами лесными новые песни, присматривала за облаками и дождиком; а вечером муж приходил, и были эти вечера полны тепла и смеха, а ночи – ласки и нежности. Долго ли, коротко ли, а живот Кэтрин округлился.

Сама она этому очень рада была, но заметила, что муж почему-то встревожился, нахмурился, тройной заботой ее окружил и из дома практически не выпускал. Но однажды вышла она на утреннюю прогулку и увидела, что на кусте возле их дома расцвел цветок красоты неописуемой, потому что таких красок на земле нет; захотелось ей цветок этот в косы вплести, чтобы еще краше для мужа стать. Вдруг вспомнила она, что муж запретил ей что-либо рвать с этого куста; но подумала, что теперь, в ее положении, он на нее не сможет рассердиться... и потянула за стебель. А тот не поддается!

Она рассердилась и потянула сильнее – и вдруг весь куст корнями вырвала, а на том месте, где он рос, увидела дыру, в которую можно было разглядеть, что внизу, на земле происходит – только иногда облака мешали. Стала Кэтрин на колени возле дыры и глянула вниз – и вдруг свою деревню в кольце леса увидела. Вспомнила она тут о том, что своего старика отца

бросила, не знает он, что с ней, и неведомо, жив ли еще? И пронзила сердце ее стыд и жалость, захотелось ей увидеть старика, утешить его, обнять и успокоить, рассказать, как ей живется. В тот день пропал из глаз Кэтрин покой и счастье безмятежное. А вечером муж ее вернулся и, едва в глаза ее заглянул, сразу все понял. Застонал он: «Жена моя, что же ты наделала!». Опустился на пол, голову в руках спрятал, и не хотел плакать, а заплакал. С первой слезой его дождь пошел, со второй гроза началась, а Кэтрин стояла рядом, вздрагивая от грома и беспомощно руки опустив. Наконец поднял он лицо и сказал ей: «Ты вспомнила свою землю, свои корни – и не сможешь больше здесь оставаться, эта земля не примет тебя больше и убьет. Теперь я должен тебя домой вернуть. Ах, жена моя, жена, зачем ты меня не послушалась!».

Плакала Кэтрин и противилась, но поделать уже ничего нельзя было. Заснула она – а проснулась уже на околице села, и рядом – тот самый короб с ягодами, который она тогда в лесу бросила. Села Кэтрин на землю и заплакала так, как будто у нее сердце разрывалось, плакала даже тогда, когда у нее слез не осталось... Долго она горевала, но вспомнила о своем отце и встала. Кэтрин подняла свой короб и удивилась его тяжести. Заглянула внутрь – а все ягоды в нем в золотые превратились!

Вернулась она к отцу, который уже не чаял ее живой увидеть, и продлила ему своей заботой жизнь на долгие годы. Большие дочери он любил только своего внука, черноволосого и синеглазого.»

Итак, дорогой Джеймс, я продолжаю. Утро, и бодрящий сквознячок из щелей перекошенных рам не дает мне забыть о прелестях зимы. За ночь на окнах намерзает трехдюймовый слой льда, закрывающий его до половины. Скоро мой камердинер выведет Джинджер во двор, и я отправлюсь на традиционную (традиция длиной в два дня порой ничуть не хуже традиции длиной в два века) утреннюю прогулку. А пока вкратце, как и обещал, изложу историю своего знакомства с доктором Стоуном, мисс и миссис Чемберс и прочими лицами на моих *portraits*.

С доктором Стоуном проще всего – он сам явился ко мне с визитом на следующее утро после приезда в компании священника и мэра. Признаюсь, меня немного насторожила такая делегация – словно конклав специалистов по вопросам здоровья телесного, душевного и имущественного собрался меня освидетельствовать. Это должно было польстить мне, но не польстило. Я отменно вежливо пригласил их в гостиную, и завязалась светская беседа о целях моего приезда, возможной его продолжительности и впечатлениям от уже виденного в Блэквуде. Я сумел удержаться и не ответил, что холмы и овцы, которых я увидел в Блэквуде, ничем не отличаются от холмов и овец в других частях Англии – я понимал, что это может уязвить гордость жителей Блэквуда; хотя их бесцеремонное любопытство буквально *бесило* меня, и в начале разговора я едва удерживал рвущиеся с языка колкости.

Именно доктор Стоун смягчил мой настрой и перевел нашу беседу в более *agréable* русло. Несмотря на свой почтенный возраст (как минимум вдвое старше меня), он чужд деревенского ханжества: и вскоре я с гордостью описывал ему изобретенный мной «Дамский пугач», который произвел такой *furor* на улицах и в каретах Лондона.

Если ты еще не знаешь, что это такое (а временами ты ухитришься быть больше не от мира сего, чем какой-нибудь пустынный) – то вот тебе его устройство. «Дамский пугач» – это простой свинцовый тубик художника, заполненный вместо белил водой, и с проделанными иглой отверстиями в крышечке. Сжимаешь тубик и – вауля! Восторженное возмущение подбирающих юбки дам. Особенно весело применять «дамский пугач» в карете, где меньше вероятность промахнуться, но больше риск и самому быть облитым. (Сразу скажу, что подобным изобретением я полностью заслужил бы твой гнев – если бы возмущение дам было искренним).

Вдобавок доктор Стоун был единственным, кто после расспросов обо мне счел нужным рассказать что-то о себе сам – в этой беседе и последующих. Остальные двое, видимо, так укоренились в Блэквуде, считая его центром мира, что не могут допустить и мысли, что их славные имена кому-то могут быть неизвестны.

Ты незнаком с доктором лично – во время твоего визита он был в отъезде; но, безусловно, слышал о его семье – они из первых поселенцев Блэквуда, с ясно видной во всех его потомках деловой жилкой. Именно Стоуны несколько поколений назад построили лесопилку, которая медленно, но верно изменила облик Блэквуда и позволила ему вырваться из захвата леса на прибыльные просторы овцеводства. И, как любое семейство, скопив достаточный капитал, Стоуны устремились к культуре.

Джозеф Стоун был младшим из двух братьев, и отец отправил его сперва в школу иезуитов, а затем, по его желанию – в медицинский колледж Лондона; а старший сын в то же время постигал тонкости управления фермерским хозяйством. Такое состояние дел, насколько я понял, устраивало всех, пока его брат не погиб на доживающей свой век лесопилке – дерево вопреки всем законам природы упало прямо на него. Отец, уже *décrépit* старик, ненадолго пережил своего старшего сына. Насколько я помню, собирая легенды, ты несколько раз беседовал с ним. Ты описывал его как бесцеремонного старого тирана переполненного горьким, как «черная смола» ехидством, но его сын мало похож на отца. Для такой глуши, как Блэквуд, у него прекрасные манеры – думаю, этим качеством он обязан проведенному в Лондоне времени.

Джозефу Стоуну пришлось вернуться домой, не завершив образование, и принять бразды правления в свои руки. Управляет он семейным предприятием, насколько я могу судить, успешно, но гордости из-за этого не испытывает и душу вложил в иное дело – в какие-то научные исследования, о которых он пока рассказывает только намеками. А все жители Блэквуда от батрака до мэра, несмотря на отсутствие диплома, зовут его *доктор* Стоун. У него даже есть небольшая медицинская практика – в основном друзья семьи и *intéressant* медицинские случаи.

Я тоже кажусь ему интересным случаем – он часто наносит мне визиты и настаивает на ответных, всегда принимая меня с искренним радушием. Чем-то он напоминает мне тебя, Джеймс, и в его речах практически нет ограниченности, свойственной *village*. Внешность у него тоже интересная, как видишь – такие резкие черты легко и приятно рисовать, даже неопытный художник сможет передать приблизительное сходство.

Более-менее закончив с доктором Стоуном, перехожу к почтенному Николасу Хейру, мэру этого райского местечка. Мэр в точности соответствует твоему описанию трехлетней давности – невысокий, вялый, толстый

человек, похожий на связку сарделек. Не покидающему его лица сонному выражению странно противоречит светящийся в небольших глазках ум и скрытое ехидство – поэтому нарисовать его портрет, несмотря на каменную неподвижность оригинала в кресле, было не так-то просто! Говорил он тогда мало, а после того, как выяснил главное – что я не предвещаю массового приезда богатых лондонцев, да и сам к этой категории отношусь только *occasionnels* – то замолчал окончательно.

Желание нарисовать священника у меня не возникло – уж больно непримечательная личность. Узнав о нашем знакомстве, он долго распространялся о том, как плодотворно вы сотрудничали. Похоже, это было одним из самых ярких событий в его жизни, даже – если судить по твоим возмущенным рассказам – его сотрудничество заключалось в том, что он всячески ставил тебе палки в колеса. Я часто сталкиваюсь с ними обоими в гостинной доктора Стоуна, и не могу сказать, что *follement* рад этим встречам.

Но, кроме дома доктора Стоуна, в Блэквуде есть еще один дом, который я навещаю так регулярно, насколько это позволяют приличия – дом миссис Чемберс. *Premier* я познакомился с мисс Чемберс, а потом уже с ее уважаемой матушкой. Прочитав историю нашего знакомства, я знаю, что ты будешь смеяться – надеюсь только, что *so* мной, а не надо мной.

Где-то на третий день своего пребывания здесь я вышел на утреннюю прогулку, тщательно выбрав свой наряд и в то же время с горечью осознавая, что здесь некому оценить мой галстук, завязанный *кударше*. Я шел, погруженный в меланхолическую задумчивость, но при этом все же тщательно выбирая, куда поставить ногу на обледеневшей и заснеженной булыжной мостовой. И вдруг, как раз в тот момент, когда я неустойчиво балансировал, обходя накатанную детьми дорожку льда, мне под ноги кидается злобно лающий комок шерсти. Я невольно отмахиваюсь от покушений на мою лодыжку – все больше теряю равновесие – и с грацией умирающего лебедя или подрубленного дерева опускаюсь на лед, чтобы проехать по нему добрых десять ярдов. Мой полет прерывается у ног прекрасной молодой мисс, которая смотрит на распростертое внизу тело огромными серыми глазами, еще больше расширенными от ужаса и сочувствия. В руке у нее поводок, на другом конце которого так самая злобная пустолайка, не прекращающая своих покушений на мою, хм, гордость.

Мисс прикрикивает на свою собаку «Спокойно, Дейзи, спокойно!» и старательно помогает мне встать из всех своих воробьиных сил. Следуют взаимные извинения:

– Простите, мисс... Я вас испугал?

– Нет, нет, что вы! Позвольте, я вам помогу! Простите Дейзи, пожалуйста... она боится незнакомцев, вот и кидается первой в атаку! Ох, мне так неловко! Вы не сильно ушиблись?

– У Вас очень храбрая собака. Она не могла выбрать более удачный момент для атаки, мисс...

– Чемберс, Хелен Чемберс. А вы?

– Энтони Блессингем. Очень рад, что счастливый случай поверг меня к вашим стопам!

– А я думала, что не столько случай, сколько лед... Вы не ушиблись? Вам нужно почистить одежду... и выпить чашечку чаю... Вы не откажетесь к нам зайти?

И с такой приятной настойчивостью она пригласила меня к себе домой, где нас встретила ее матушка, миссис Мэри Чемберс. Вот так завязалось наше знакомство, а теперь я расскажу об обеих дамах подробней. Достань портрет старшей, миссис Чемберс. Как ты видишь, она еще очень хороша собой, глаза говорят о уме, тонкие губы – о прижимистости, а лоб без следов морщин об *égoïsme*, который добавляет красивым женщинам очарования, а в дурнушках просто отвратителен.

Мистер Чемберс давно умер и оставил довольно скудный капитал, но миссис Чемберс полна решимости участвовать вместе с дочерью в следующем сезоне Лондона. А пока в целях экономии средств – и заботы о здоровье дочери, *naturellement*, – они снимают дом в Блэквуде. Она не расспрашивала меня о причинах моего появления в Блэквуде (что еще раз доказывает ее ум) – но, думаю, что она рада нашему знакомству. Ты думаешь, что я начал себе льстить? Ошибаешься, Джеймс, я как никогда от этого далек. Просто миссис Чемберс рада возможности завершить образование Хелен уроками необязательного, но изящного флирта; поэтому она не возражает, когда я рисую Хелен, когда я приношу ей самые невинные книги из своей библиотеки, выгуливаю вместе с ней «лапочку Дейзи», а, главное, рассказываю ей о правилах и привычках лондонского света. Ради этого она согласна эпатировать жителей Блэквуда столь дружеским общением двух *не помолвленных* молодых людей. Весьма *практично* с ее стороны. К своей дочери она относится очень нежно, и это, пожалуй, ее единственная слабость. Думаю, по тем же причинам она не будет возражать, если я буду обучать Хелен верховой езде (к сожалению, Джинджер не самая подходящая для этого лошадь, но я что-нибудь придумаю).

И я должен тебе сказать, что портрет Хелен Чемберс из всех пока самый неудачный. Ее лицо столь гармонично, что малейшее отступление от истины грозит потерей сходства; к тому же его привлекательность заключена в гармонии красок и оттенков красок, а не линий – ничего особенного не было бы в ее почти треугольном личике с широко расставленными глазами, если бы не расветно-серый цвет глаз, золотистый отлив густых каштановых кос и неожиданно яркий румянец на нежных щеках. Она идеальная модель – очень терпеливая, всегда готовая слушать; и теперь я хочу нарисовать ее акварелью.

Посылаю вместе с этим письмом тысячу благодарностей –

Энтони

P/S. Не мог не заметить в твоём письме попытки узнать, сколько же я на самом деле взял с собой спиртного. Признаю, что попытка была выполнена весьма деликатно, – а изящный подбор слов еще раз подтверждает твоё мастерство писателя – но я все равно обиделся.

К счастью для меня, постепенно понимание того, что ты руководствовался самыми благими намерениями, пересилило мою обиду. Так что вместо гневных тирад ты получаешь подробнейшее описание моих пасторалей. Как видишь, никаким горячительным напиткам крепче кофе в нем места нет.

P/P/S Перечитав сегодня вечером, перед отправкой, своё письмо, я заметил, что перехвалил доктора Стоуна. В расспросах по поводу моего камердинера он был впереди всех. Вообрази себе: «У вас замечательный слуга... Я – благодарю вас, Холлис действительно стал для меня настоящим

сокровищем... Стоун: но вы ведь приехали в одиночку, разве не так? Где же вы нашли это сокровище? Я – мы приехали вместе, он помогал мне выгрузить багаж. Стоун: но все видели, что вы приехали один. Я – значит, все ошибаются». Ох уж это деревенское любопытство!

Из книги «Легенды, сказки и предания Северной Англии в обработке эск. Дж. Э. Фоллоу»

«Жили на самой окраине деревни две соседки – одну звали Салли, а вторую Эмили. Салли и Эмили были подругами не разлей вода, хотя таких непохожих друг на дружку еще поискать: Эмили молчаливая и задумчивая, Салли бойкая на язык, что бритва, Эмили светловолосая, Салли чернокосая, Эмили замужем, Салли вдова.

Салли работала в таверне «Черная смола» подавальщицей, а Эмили кормилась со своего огорода, кур, козы, да еще тем, что собирала в лесу травы и делала из них целебные отвары от простуды, лихорадки, грудной жабы, сердечного колотья, юношеских прыщей и облысения. Еще поговаривали, что она умеет варить приворотное зелье – иначе как бы она женила на себе первого красавца их деревни? Тихая, неказистая Эмили должна гордиться таким мужем и постоянно помнить о том, как сильно ей посчастливилось – таков был приговор всех кумушек деревни.

Эмили и была счастлива, смирившись с тем, что на работе от ее красавца мужа проку не больше, чем от курицы, и уж всяко меньше, чем от козы; а привычку ее супруга любезничать с любой дамой от пятнадцати до сорока пяти она оправдывала его «веселым нравом».

– Характер у меня кислый, и шутки я понимаю скверно, вот мне в невинной шалости и мерещится всякое, – беседовала она со своей лучшей подругой, а Салли, вздыхая, поддакивала.

Понимая, что она такого счастья не заслуживает, Эмили все делала, чтобы мужу угодить: дом в чистоте держала, отменно готовила и рубашки ему белила, а о помощи по хозяйству просила только тогда, когда без этого совсем никак обойтись нельзя было.

Но Эмили всем в своей жизни была довольна, пока муж совсем не перестал ей говорить, как сильно он ее любит, что для него она красавица, других не надо. Напротив, теперь он только и делал, что жаловался друзьям в трактире на свою загубленную жизнь и жену-ведьму, а домой возвращался все позже и позже. Но Эмили и это стерпела, потому что любила его без памяти. Только когда он перестал в трактире засиживаться, а домой возвращался по-прежнему засветло, Эмили осмелилась спросить у него, где же ее муж пропадает.

Муж на такой вопрос сначала побледнел, а потом покраснел и заорал, что с ее вопросов дурацких его воротит, как и с лица ее унылого; а жизнь с ней хуже каторги, поэтому она должна быть ему благодарна, что он вообще домой приходит. Эмили так под его криками растерялась, что ни слова вымолвить не смогла, только глазами хлопала; а он все высказал, дверь грохнул и ушел на три дня. Все эти три дня Эмили проплакала, никому не жалуясь – а потому в деревне решили, что сама она во всем виновата. Но через три дня муж вернулся, и теперь, даже если Эмили просыпалась среди ночи и видела, что она одна в супружеской постели лежит, то утром никаких вопросов не задавала. Любовь не всегда бывает доброй и милосердной – Эмили

ее любовь заставила от себя самое отказаться, лишь бы ее мужу было хорошо. Часто она тосковала по тем временам, когда жила одна и была сама своему сердцу и своей жизни хозяйка, но как не старалась, ничего с собой поделывать не могла – ради его взгляда она по-прежнему в огонь и воду бы бросилась, потому что любила своего мужа с детских лет, сколько себя помнила.

Так жили они, и врозь и вместе, и она будто бы привыкла к такой жизни, пока не пошла в лес и не обнаружила, что ищет травы целебные возле озера под черной елью; а под елью, как и под сосной, как всем известно, никаких трав не растет, потому что это деревья могучие и их соседство молодым растениям не под силу. Тогда она села под этой елью и разрыдалась взхлеб с причитаниями, а слезы точно из глубины ее покалеченного, измученного сердца шли. «Совсем память потеряла... ничего не соображаю... на все согласна... только бы избавиться от любви этой проклятой... выгнать изменника.... узнать, с кем он ночи проводит, мерзавец, и перестать себе душу травить!» вырывалось у нее между всхлипываниями. Так она и просидела под елью, пока не свечерело, то плача, то жалуясь, а когда солнце к закату склонилось, взяла пустую корзинку и пошла домой; и впервые за год ее супружества на сердце у нее немного отлегло.

И той же ночью муж ее на локте приподнялся, прислушался к ее дыханию, и когда увидел, что она спит, тихо из постели выскользнул, оделся, взял лампу и вышел во двор. А затем перемахнул через забор покосившийся, что их дом от дома Салли отделял, и постучал вдове в окошко! Она выглянула в окошко, обвила его за плечи руками белыми, но тут же опомнилась и вглубь комнаты спряталась.

– Тебя никто не видит? – шепотом спросила она.

– Никто, моя радость, никто! Супружница моя безобразная спит. Так что накинь на себя что-нибудь и пошли в лес!

– Экий ты прыткий, сразу в лес! А поговорить? – недовольно заметила Салли.

– Красавица моя! – взмолился прелюбодей. – Ну что я могу сказать, если от прелести твоей давно и язык, и голову потерял, и ты сама об этом знаешь!

– Видно, ты и впрямь голову потерял, если так орешь, – сказала ему Салли. – А если она проснется?

– Ну и что, моя медовенькая, моя сладкая? Что она сделает, ты знаешь?

– Смолчит и стерпит, как обычно, – хихикнула Салли. – Хотя все-таки боязно мне, аж дрожь пробирает...

– Ну чего тебе бояться, мой цветочек?

– Какой же я тебе цветочек, – фыркнула Салли. – У цветка один стебелек тощий, словно твоя жена, а у меня вот – есть за что подержаться!

– Да-а, моя красавица, я об этом знаю, – затрясся ухажер от нетерпения. – Ну пойдем же в лес скорее, пока не рассвело!

И долго он еще ее красоту на все лады расхваливал, пока не согласилась она во двор выйти, а потом и в лес. Видно было, что дорожка ей эта хорошо знакома.

Устроились они на берегу того самого озера, куда днем Эмили ходила. И Салли попросила мужа своей подруги лампу не гасить, потому что в темноте ей страшно было. Изменник радостно согласился – не потому, что боялся,

а потому, что хотел как можно лучше рассмотреть то, чем обладал без всякого на то права.

И когда они после утех любовных прилегли отдохнуть, Салли первой странные звуки услышала: словно недалеко от них кто-то огромный сквозь лес пробирается. Задрожала она и торопливо натянула платье, а потом растолкала своего любовника.

– Слышишь? Слышишь?

– Ничего я не слы... – только и успел он сказать, потому что совсем рядом с ними кто-то застонал жалобно, а за стоном – глухое ворчание. И опять стон... Налетел ветер и погасил лампу, так что остались любовники в темноте. Все стихло, и деревья замерли, так что они вдвоем только стук зубов собственных слышали. И вдруг на них град шишек посыпался, но не с вершины ели, а сбоку откуда-то, словно их бросают чьи-то руки, да еще метко и больно до синяков!

Тут они совсем обеспамятели и бежать бросились, не разбирая дороги. Лапы еловые их по голому телу хлестали, корни на землю валяли, иглы в волосах запутались, а шишки синяками разукрасили и в озеро загнали, на самую серединку. И едва любовники до середины озера доплыли и за какую-то корягу уцепились, как град из шишек прекратился.

Они бультыхались долго на середине, слушая, как в лесу все снова стало тихо и мирно, чувствуя только, как ноет каждая косточка в теле. Так прошло не меньше часа, пока не Салли выбранилась вполголоса:

– Вот ведь черти лесные, чтобы их перевернуло и встряхнуло, все платье изорвала, все тело болит, в волосах колючки застряли, как у ежа!

– Не говори ты так, – шепотом ее любовник сказал.

– Что не говорить?

– Ну, чертей не поминай... вдруг опять начнется...

– Вот ты и молчи, храбрец! – разъярилась Салли. – А я лучшее платье на свиданку одела не для того, чтобы его порвать в клочья! Когда я еще такое красивое куплю!

– Ты и без всяких платьев хороша, душечка, – сказал любовник ее. Но с определенным усилием, потому что встрепанные волосы в колючках, исцарапанные плечи, а главное – огромный синяк под правым глазом красоту ее серьезно попортил. Но Салли продолжала хныкать.

– Я за него недельное жалованье отдала, а теперь одни лоскутки остались...

Любовник ее продолжал отмалчиваться. Салли подбавила красок.

– Думаешь легко это – вот так в трактире горбатится, зная, что никто не поможет, платья не подарит, и все самой покупать приходится...

– Да зачем ты его тогда вообще в лес надела?! – не выдержал любовник. – Зачем вообще меня в этот лес потащила и скулишь сейчас на все озеро? Хочешь, чтобы это вернулось? – спохватившись, добавил он шепотом.

– Это я тебя в лес потащила? – от возмущения Салли едва не захлебнулась. – Любобвничек! Герой! Вот клянусь, выберемся отсюда – я тебя большие никуда не потащу! – и поплыла к берегу.

– Да кому ты еще нужна, товар второй свежести! – крикнул он Салли вдогонку, но та не обернулась.

Она почти доплыла до берега, когда услышала, что ее любовник снова ее зовет.

– Салли, милочка, душечка, вернись! Красавица моя, любимая, вернись, пожалуйста. Салли, Салли, прости!

– Салли, помоги! – но она молча продолжала плыть от него.

– Меня коряга схватила!

– Салли, Салли, милая! Я тебе платье куплю, нет, два платья, только помоги мне пожалуйстааа...

Услышав это, Салли все же вернулась на помощь любовнику.

– Как это тебя угораздило, – ворчала она, плавая вокруг коряги. – Видно, руки-крюки, вот зацепился... И вдруг вскрикнула испуганно.

– Что случилось? – отозвался любовник.

– Я... оно меня схватило! Само схватило!

– Так у кого руки-крюки? – позлорадствовал сперва любовник, а потом понял, что большие на помощь ему прийти некому, и затих.

Уже почти рассвело, и в серых лучах можно было разглядеть, что вокруг запястий Салли и ее любовника обвилась корня этой коряги, да так плотно, что и щепку в зазор не вставить.

– Давай попробуем доплыть с ней до берега, а там уже попытаемся освободить руки, – предложила Салли. Они попробовали плыть ногами, но коряга держалась на месте, как заякоренная, и они только выбились из сил. Так они и дрейфовали в середине озера в мрачном молчании, друг на друга не глядя.

А в деревне уже все проснулись, и трактир открылся, а подавальщицы все нет! Сперва хозяин рассердился, а когда время за полдень перевалило, то и встревожился. Того, что муж Эмили тоже пропал, не знал никто – ведь она к таким исчезновениям привыкла и не беспокоилась. В мыслях она оба эти исчезновения никак не связала, а за подругу испугалась. Эмили знала, что не было у Салли в планах отъезда, тем более такого внезапного. А время шло, и Салли не показывалась.

К вечеру было решено собрать людей и отправить, пока не стемнело, поисковую партию в лес. Эмили тоже решила пойти с ними, потому что никто лес лучше нее не знал, и судьбе было угодно, чтобы именно ее группа пришла на берег озера.

Вначале люди даже не поняли, что это такое плавает – коряга и коряга с водорослями налипишими. Только когда Салли подняла голову и закричала, узнали ее по голосу. На скорую руку сколотили плот, подплыли, и увидели, что она там не одна, а рядом с ней супруг Эмили в синяках, ссадинах, и нагой, как Адам. Отцепили их от коряги – без всякого труда причем – перевалили на плот, и, едва сдерживая смех, на берег повезли; если бы не Эмили, что на берегу стояла, ждала, так и в голос бы хохотали, а тут...

Плот причалил, и увидела Эмили, что нашла она не только подругу, но и мужа. Лежат оба на плоту, как дохлые рыбины, у Салли волосы в колтун слиплись, все в листьях и колючках, под глазом синяк, кожа в пятнах от смолы и царапин, и вся поморщенная и синяя, того оттенка, который у людей обычно не наблюдается; и супруг ее драгоценный не лучше – лежит, стонет еле слышно, воду отплевывает, даже срам ладошками прикрыть не в состоянии. Куда только вся красота его делась!

А мужчины стоят и с тревогой на Эмили поглядывают – понятное дело, узнав о измене мужа, баба все, что угодно способна вычудить... Надо

успеть ее перехватить, если кинется... он ведь точно себя сейчас защитит не в состоянии!

А Эмили стоит, рот то открывает, то закрывает... и вдруг как захохочет! Согнулась в три погибели, и заливается, как колокольчик; только чуть подуспокоится, как один взгляд на мужа – и ну давай опять смеяться! Ее уже водой облить хотели, как она сама утихла.

Подошла к ним двоим, улыбается так ласково и мужу говорит:

– Не раз я тебя, муженек дорогой, в мыслях и к лешему, и к водяному посылала, да только не думала, что ты сам туда пойдешь! Видно несладко в гостях пришлось?

Муж ее зашевелился. Постарался что-то сказать, но она, не слушая, дальше продолжала:

– Что ж, теперь ты можешь куда хочешь идти. Поглядела я на тебя, красавчика, и вся моя любовь исчезла! Пропала! Нет ее совсем! Вместе со смехом видно, вышла.

– А ты, подружка моя сердечная, забирай этого красавца себе. Искренне тебе удачи желаю и большие видеть не хочу.

Сказала она так, развернулась и пошла прочь. А мужики, что на берегу озера стояли, поразились – вот истинно красавица! Что ж они раньше этого не замечали? Видно, раньше ее несчастливая любовь к земле гнула, плечи ссутулила, глаза погасила.

Муж ее вместе с Салли уехал куда – то из Блэкуда, как только после купания в озере оправился – туда ему и дорога. А Эмили после того, как изменичника выгнала, недолго одна жила – посватался к ней кузнец, один из тех, что в тот вечер прелюбодеев из озера выловил. И когда ему намекал кто-то, что, вот, жена ему и не совсем жена-то, у него только два довода было, зато увесистых. Так что намекать вскоре перестали, а когда их первый ребенок родился, и вовсе забыли, что брак у них не освященный – до того дружно и ладно они жили. Дай Бог всем нам так жить, но только без тех испытаний, через которые пришлось пройти Эмили!»

«Дорогой Джеймс!

Опять мне приходится начинать письмо с благодарностей за ящик легкого красного санджовезе. (Замечу в скобках, что никогда еще извинения не принимали для меня столь приятной формы, и покончим с этим). Я внес его в дом осторожно, как младенца.

Вероятно, в Лондоне уже можно ощутить наступление весны – по раскисшей слякоти под ногами и кошачьей песне любви. У нас же зима знать не желает календаря, и ее отношение к жителям Блэкуда не потеплело ни на йоту, поэтому в процессе обучения приходится преодолевать неожиданные трудности.

Вообрази себе картину: серенькое, возмутительно раннее утро, зверский холод – и я с лопатой и пыхтением расчищаю задний двор от снега в компании моего камердинера. Невозмутимо падающий сверху снег старается уничтожить плоды наших трудов, но мы продолжаем; к визиту прекрасной гостии учебная площадка готова, а с моих щек и кончика носа медленно сходит царственный пурпур.

Чувствую, что должен попытаться хотя бы отчасти развеять твое предубеждение (Кстати, ты заметил, что чем больше между нами расстояние,

тем назидательнее твой тон?). Ты говоришь, что я, не задумываясь, играю чувствами девушки, которая слишком юна, чтобы понять разницу между сердечным увлечением и уроками флирта. Отвечу тебе, что у тебя крайне *idéaliste* взгляды на чувства юных девушек. Мы с Хелен всего лишь союзники в борьбе с *ennui*, и правила ясны обоим игрокам. Ее мать ни за что бы не допустила нашего сближения, если не была бы полностью уверена в том, что сердце ее дочери не так-то легко завоевать. А Хелен, зная о мимолетности нашего знакомства и чувствуя мою к ней симпатию, временами позволяет себе дружескую откровенность. Вот ее слова: «Я чахну в этой глуши и уже готова полюбить любого. Любого баронета с пятью тысячами годового дохода». Готов спорить один к пятнадцати, что она станет *sensation principale* следующего сезона.

Добавлю еще, что эта девушка в своем юном возрасте прочитала втрое больше, чем я, и полностью разделяет мои взгляды на финал «Ярмарки тщеславия»! Более убедительных доказательств я тебе предоставить не могу, так что суди сам.

Рад сообщить, что я придумал, как усмирить Джинджер на наших занятиях: за ней присматривает Холлис. В его присутствии она ведет себя идеально, послушна каждому слову и жесту. Я рассказал Хелен подлинную историю нашего с Холлисом знакомства, и она была крайне заинтригована. По ее просьбе Холлис организовал нам экскурсию в оранжерею. Я сам давно туда не заглядывал и был поражен муравьиным трудолюбием Холлиса. Хотя *беспорядка* там по-прежнему намного больше, чем порядка, и я не понимаю, зачем ему понадобилось выворачивать полуразбитые плитки дорожки, за такое краткое время он добился поразительных успехов. Все, что осталось от старого Блессингема – чахлые розы и несколько карликовых елей в кадках – воспряло и зазеленело; контраст с унылым запустением, в котором я нашел оранжерею в день своего приезда, был разительным.

Он наполнил ящики свежей землей и высадил в них лесные травы; не знаю их названий, не уверен даже, что травы именно *лесные*, но из них вышли чудесные приправы. Еще он вырастил розовый куст, на котором, вопреки законам природы, цветут розы всех оттенков красного, от бледно-алого до цвета старого бургундского, ни разу не повторяясь. Хелен осталась довольна экскурсией, и я, видя ее радость – тоже.

Кстати, оказывается, Хелен читала твои «Легенды, сказки и предания...». То есть не просто поставила на видное место в библиотеке, как это сделали все уважаемые семьи Блэквуда, (я как то пытался узнать у почтенного мэра, какая из твоих историй пришлась ему по душе больше всего... и, сам того не желая, поставил беднягу в неловкое положение) а действительно прочла.

Заметив книгу в моей библиотеке, она пожелала ее обсудить – а я не сказал ей о том, что лично знаю эск. Дж. Фоллоу. Думаю, тебе любопытно узнать рецензию непредубежденного читателя. «Кажется, сперва автор записывал легенды более или менее так, как ему их рассказывали; но где-то к середине роль простого рассказчика перестала его устраивать. Тогда он берет, переписывает историю по своему, используя факты только для украшения. От оригинала при этом мало что остается... хотя, конечно, очень увлекательно». Ну, что скажете, уважаемый автор?

Мое знакомство с доктором Стоуном также крепнет и развивается. Он рассказал мне кое-что о своей теории. Она не нова, и не доктор ее первый создатель, но... меня удивляет его искренняя убежденность. Отчасти это старый добрый пантеизм. Если бы несколько абстрактная вера в духов камней, деревьев и озер вдохновляла его на стихи и картины, как нашего общего знакомого, я бы оставался спокоен; но доктор Стоун в своих воззрениях пошел намного дальше, я бы сказал – далеко за область здравого смысла, или, как сказала Хелен – он слишком холит и лелеет свою *petit manie*. Жизнь в интеллектуальном одиночестве весьма этому способствует.

– Тысячи лет выработывались правила общения с духами Природы, а потом человечество добровольно себя ослепило! Мы забыли о них, и мы освободили их своим невежеством! Подумайте, сколько вреда могут причинить существа, которых якобы нет!

Я процитировал тебе финальную часть речи доктора. Начал он довольно спокойно, с принципов натурфилософии, что еще простительно; но постепенно распался все сильнее, пока не заявил прямо, что верит в лесных духов так же, как верили его предки.

– Я верю в Природу... – говорил он, – верю, если она в своей мудрости создала человека, как это блестяще доказал доктор Дарвин, то почему она не могла пойти дальше и не создать иную форму жизни? Природа гениальна, молодой человек... если бы вы изучали ее, как я, десятилетиями, вам было бы проще в это поверить. А вы – под вами я подразумеваю все человечество – подменили истинную веру пустым суеверием.

– Любопытно, я хотел сказать то же самое, – не удержался я, хотя и понимал, что спорить с человеком, одержимым *idée fixe*, бесполезно. Он не способен оценить даже самые точные и изящные аргументы, фанатично цепляясь за свои убеждения.

Доктор пообещал в мой следующий визит предьявить мне доказательства существования у Природы воли и разума – любопытно будет послушать.

Теперь, когда я записываю и попутно анализирую нашу беседу, у меня возникла собственная теория – о происхождении теории мистера Стоуна. Если ты помнишь, его брат погиб от несчастного случая – на него упало дерево. Порой человеку легче смириться со злой волей, чем со слепой бессмыслицей судьбы – вот мистер Стоун и придумал себе в утешение злонамеренных духов, которые почему-то пожелали погубить его старшего брата. Может, вначале это носило характер, игры, утешительной выдумки, но со временем превратилось в подлинную манию. Печально видеть!

Зима, которая никак не пройдет, или весна, которая никак не наступит, и мне угрожает меланхолией. Но я борюсь с этим подступающим к горлу чувством простыми, надежными методами – сажусь в седло и пускаю Джинджер в галоп. К тому же, на здешних холмах, спешившись, я собираю подснежники для мисс Чемберс.

Мэр хочет, чтобы я нарисовал портреты его двух дочерей. Я боюсь, что если нарисовать их в натуральном виде, то он будет недоволен, а если польстить им хоть каплей краски, хотя бы одним взмахом кисти, то они сделаются неузнаваемыми. Но родительская любовь слепа, поэтому ответил я весьма уклончиво. Мэр все равно ушел недовольным, но тут уж я ничего поделать не могу.

Я стараюсь проводить дома как можно меньше времени.

В этом доме (зачеркнуто, неразборчиво)

В этом доме мне снятся странные сны – воспоминания о них не исчезают вскоре после пробуждения, а целый день остаются горьким привкусом во рту и навязчивой головной болью. Начинается все довольно мирно. Мне снится, что я лежу в темноте, словно погрузившись в теплую темную воду, и наслаждаюсь покоем. Все мои мысли и чувства – приглушены и неясны.

Но со временем, которое во сне кажется бесконечно долгим, во мне просыпается тревога и жажда сделать... сделать *нечто*, чему я не могу подобрать определения, хотя четко понимаю необходимость этого свершения. И когда приходит эта жажда, окружающая меня темнота вдруг меняется, она больше не кажется теплым покрывалом, напротив, это холодная черная пустота, в которой я ничтожен и мал, словно былинка... Одиночество переполняет меня, и я просыпаюсь. Остаток ночи мне снится всякая чепуха, в которой иногда, как могильные камни среди людной улицы, возникают осколки моего прежнего сна.

Этот сон повторяется каждую ночь с незначительными изменениями. Прошлой ночью во сне мне чудилось, что меня кто-то зовет, но я не могу услышать голос, не могу понять, кто это, даже не могу разобрать, существует ли этот зов на самом деле... и меня снова сковывает одиночество.

Что скажешь, Джеймс? В Лондоне я спал, как убитый, и кошмары меня не посещали. Какой злой дух из «Легенд и преданий» навевает мне эти сны? От кого я должен откупаться молоком или медом?

Пост скрипту: Только что перечел письмо перед отправкой и увидел, что оно буквально *imprégné* унынием. Не спеши тревожиться – тому есть две вполне веские причины. Во-первых, я писал его несколько дней, по строчке в день; и так уж получилось, что я выбирал из этих дней самое худшее (не считая моих с Хелен уроков). Во-вторых, уже несколько дней я неважно себя чувствую – небольшое воспаление и боль в горле. Очевидно, я несколько переборщил с зимними верховыми прогулками. Холлис поит меня травяными отварами, которые настолько отвратительны на вкус, что я исцеляюсь с невиданной скоростью.

С нетерпением жду ответного письма, искренне твой
Энтони Блессингем.

Из книги «Легенды, сказки и предания Северной Англии в обработке эск. Дж. Э. Фоллоу»

«Жил на окраине деревни, в ветхом покосившемся домишке, человек настолько ленивый и нерадивый, что его так и называли – Ленивая Стивенс; а настоящего имени никто уже и вспомнить не мог. Мать его давно умерла, сведенная в могилу непосильным трудом, и некому было починить его одежду или заставить снять шляпу, такую же драную, измочаленную и дырявую, как крыша его домика; а тряпье его напялить не каждое пугало бы согласилось. Куры его были такими тощими и проворными, что летали через заборы, как ястребы, выхватывая еду у соседской птицы. День-деньской Стивенс околачивался в трактире, жалуясь, что больная спина ему работать не дает, а не то бы он развернулся! Была у него сокровенная мечта, о которой вся деревня знала – Стивенс мечтал найти клад и зажечь по-королевски, ни единого дня не работая. Каждый раз, как глаза его после трех пинт

пива туманились, кто-нибудь говорил: «Не иначе, Лентяй сейчас свое золото тратит». Стивенс на такие речи внимания не обращал – вздумал бы обидеться, так никто бы ему больше не налил на дармовицинку.

И вот однажды хозяин трактира, видя Стивенса в задумчивости, посоветовал: «А ты иди к Лесному человеку на работу – коли угодишь, он тебе все клады в округе покажет. Мне бабка моя рассказывала, что если выйти в полночь на поляну, где в центре пень стоит, да не всякого дерева, а обязательно елового или соснового, и прокричать трижды: «Лесной хозяин! Есть ли у тебя для меня работа?!», то в третий раз он появиться на пне собственной персоной и даст задание; а взамен научит, как клад отыскать».

Стивенс встрепнулся и, не обращая внимания на насмешки, начал подробно выпрашивать, что да как, да в какое полнолуние, и точно ли пень должен быть еловым. Хозяин, хоть и посмеивался, но отвечал охотно, потому что не верил, что лентяй и трусишка Стивенс способен ночью в Черный Лес войти, даже если он и поверил в эту байку, которою хозяин на ходу для забавы сочинил.

А зря не верил, потому что впервые в жизни у Стивенса жадность пересилила лень, и аккурат в полнолуние он вступил под сень Черного леса, комкая в руках заранее заготовленный мешок. Перед глазами его стоял золотой блеск, голова туманилась мечтами, сердце стучало и ухало, как молот. В пути на него не раз накатывало сомнение – а вдруг он не сможет задания выполнить? Что сделает с ним лесной человек? И ужас наваливался на него знобкой волной, руки дрожали, колени подгибались, перехватывало дыхание... но снова мерещился ему маслянистый блеск чистого золота, и страх отступал, Стивенс продолжал свой путь.

Наконец он вышел на выбеленную луной поляну, собрался с духом и выпалил:

– Хозяин! Есть ли у тебя для меня работа?

Тихо и неуверенно прозвучал его голос, и никто не отозвался. Стивенс откашлялся и произнес во второй раз, уже погромче, поуверенней:

– Эй, хозяин! Есть ли у тебя для меня работа?

А в третий раз совсем громко вышло, но никто на его крик не отозвался, кроме филина.

– Эх... – вздохнул Стивенс и плюнул досадливо.

– Что расплевался? – вдруг раздался сварливый скрипучий голос. Стивенс поднял глаза и обомлел: вроде секунду назад никого не было, а вот – сидит на пне старичок, высохший весь, как щепка, в зеленом камзоле, и трубку еловыми ишиками набивает.

– Подойди, дай гляну на тебя, работничек!

Стивенс, дрожа, подошел.

– Так ты работу ищешь? А что умеешь?

– Вот как Бог свят, все умею! – выпалил Стивенс. – Пахать, косить, овец пасти, чинить, латать, в кузне работать, печи класть... Дайте мне работу любую, не пожалеете!

– Если ты ее не сделаешь, то сам пожалеешь, – сказал старичок, и вдруг... Стивенс перестал видеть человека. Над ним, шумя ветвями, возвышалась черная ель, с корнями-ногами, с ветвями – лапами, вместо лица безобразный грибной нарост.

– Озеро, что посередине леса, заилилось – надо его очистить, – сказал старичок, снова присаживаясь на пенёк.

– Ну, господин, – заикаясь, сказал Стивенс. – Одному человеку, даже такому умелому, как я, эта работа не по силу, разве что три года не нее потратить! Я готов, конечно...

– Нет. Работа будет сделана к первому дню осени. Тебе нужно золото? Я покажу тебе, где оно лежит, но сначала ты наймешь работников, чтобы они очистили озеро. Того, что останется, тебе будет достаточно. Даже внукам твоим будет достаточно! Ну что, берешься за работу, человек?

– Да! – Не раздумывая, ответил Стивенс.

Старичок протянул ему руку для пожатия, и как же Стивенс опешил, когда один из пальцев старика остался у него в руке! Стивенс разжал ладонь, а на ладони – корешок, отчасти на человеческую фигуру похожий.

– Это альраун, – подхихикивая над ошеломленным Лентяем, сказал старичок. – Он может ответить на любой вопрос. Он покажет тебе место, где лежит клад. Оживи его следующей ночью каплей своей крови, и он будет преданно тебе служить – до тех пор, пока ты служишь мне...

Сказал – и растаял, только несколько хвоинок на пенёк посыпалось. Лентяй вздохнул раз, другой... и бросился бежать, как сумасшедший! Прочь, прочь из леса, домой! Однако альрауна не выронил.

Следующей ночью Лентяй, морщась, выдавил каплю крови из пальца на корешок. Вдруг тот задергался, зашевелился, вскочил на корни-ножки и побежал: по столу, по руке, хозяину на плечо и зашептал что-то на ухо писклявым голоском.

На следующий день Стивенс в трактире золотой монетой расплатился. Дивились все, откуда у Лентяя деньги взялись, но никто не подумал, что он лесному хозяину в услужение пошел. Купил себе Стивенс лучший дом в деревне, коня, карету и десяток пуховых перин, чтоб крепче спалось, и каждый вечер всю деревню в трактире угощал. Так половина лета прошла.

И однажды пришел Стивенс на берег озера с ведром. Увидел, что действительно оно заилилось, выгреб одно ведро, другое... и умаялся, а на следующий день уже не пришел. Иногда, когда он смотрел на свои деньги, то вспоминал, что надо бы на них работников нанять, но сам себя останавливал. «Что я им скажу? Как объясню, почему озеро очистить захотел? Так меня на смех поднимут или, хуже того, обо всем догадаются! Надо в соседнюю деревню выехать и работников там нанять... завтра»

Но завтра все никак не наступало, а Стивенс ел, спал, пил в свое удовольствие... пока не пришел домой и не увидел, что его альраун исчез. «Куда он, паршивец, подевался?» – разозлился Стивенс. Глянул в окно – а на деревьях уже листья желтеют! Из окна окликнул он соседа:

– Марк! Скажи, пожалуйста, какой сегодня день!

– Ты что, Джон! Неужели не помнишь? Сегодня же последний день лета! – услышал Стивенс в ответ. Его словно громом поразило. Стивенс заметался по комнате – что делать? Что делать? Уехать немедленно!

Выскочил, велел карету запрячь – а упряжь на ней вся сгнила! Попросил у соседа лошадь – а та вдруг на дыбы встала, и Лентяй так хлопнулся оземь, что чуть весь дух не вышибло.

Отнесли его домой соседи, потому что он не мог ни рукой, ни ногой пошевелить, и только охал. Просил:

– Уехать мне надо... уехать... я заплачу... – но сельчане решили, что он от боли бредит. Отнесли его домой, устроили на постели. Он в соседа своего вцепился, просил не уходить. Но никому, по совести, не хотелось с Лентяем в его доме сидеть, который он уже успел загадить до самой крыши. Все делами отговорились, и остался он один, дрожа от страха. Сам себя стал успокаивать:

– Ну что он мне в каменном доме сделает, в центре деревни? А завтра я оклемаюсь и уеду...

Первым наутро заметил неладное сын трактирищика.

– Папа! Папа! А у Лентяя на крыше дома елки повыврастали!

Трактирищик сперва хотел дитятке подзатыльник отвесить, чтоб чушь не молол, но сын так настаивал, так клялся, что трактирищик, кряхтя, оделся и вышел на улицу – поглядеть, что за елки у соседа на крыше. Вышел и глазам не поверил – истинно так, на крыше ели раскачиваются! А когда поближе подошел, то понял, что ошибся – не на крыше они растут, а на земле, просто дом насквозь проишли, как игла протыкает полотно; еловые лапы стекла выбили, из окон торчат. А как же там Лентяй на постели? Трактирищик перекрестился и побежал остальных будить.

Не сразу они решились войти к Лентяю в дом – только после того, как священник трижды молитву прочитал и святой водой окропил. Вошли – и словно в лесу очутились. Странно было среди елей столы видеть, стулья, на ветви надетые, шкаф, которому даже некуда упасть было – только дверцы покосились и посуда на пол попадала...

Лестница, что на второй этаж вела, в спальню, тоже была донельзя покорежена – никто по ней подниматься не хотел; но Лентяй на крики не отзывался, и, хочешь не хочешь, а пошли они втроем – кузнец, трактирищик и священник. Кузнец топор в руках держал, но никак не мог себя заставить на ели замахнуться.

Дверь в спальню была открыта. Из нее тоже еловые ветви торчали, но негусто, можно было войти. Зашли они втроем... и обомлели. В первый момент им показалось, что Лентяй им навстречу с постели встал и рукой машет – все в порядке, мол.

Только почему простыня его не белая, а бело-красная? Почему он руки раскинул, словно хочет ель от них защитить? Почему изо рта дорожка алая идет, а из груди еловая ветвь торчит, хвоя на ней слиплась вся? Почему его ладони к стволу прижаты и сучьями насквозь пропороты?

А ель раскачивается, его раскачивает, и при каждом движении струйки крови взбрызгивают, но все слабей... пока не утихли совсем, у них на глазах.

Как они из дома выбрались, никто из них потом вспомнить не мог. Дом сожгли вместе с его мертвым хозяином, а стены по камешку разобрали. Но одна ель не пожелала сгореть вместе с домом – так и осталась посередке площади как памятка о том, какой окончательный расчет получил Лентяй Стивенс от лесного хозяина»

Черновик неотправленного письма к Джеймсу Э. Фоллоу

«Дорогой Джеймс!

Наконец я добрался до своего письменного стола. Знаю, что ты (зачеркнуто)

встревожен моим долгим молчанием. Я должен тебе сказать, что, несмотря на все усилия доктора Стоуна и снадобья Холлиса, моя болезнь все-таки развивается. Я очень устал и прошу прощения за свои каракули – рука все еще слишком дрожит, и перо то и дело выскальзывает из пальцев. Пока мне тяжело даже читать. Не так-то просто удержаться на плечах чугунную голову.

Лихорадка то треплет меня в зубах, то отпускает; и я остаюсь лежать в постели обессиленный, задыхающийся, но в ясном сознании. Так продолжается уже около недели, и, к счастью, периоды лихорадки становятся все короче. Сегодня я смог с помощью Холлиса подняться с постели и добраться до письменного стола. Едва смог уговорить его оставить меня одного.

Естественно, за эту неделю у меня очень мало новостей, я слишком слаб даже для того, чтобы слушать местные сплетни. Болеть, когда спадает лихорадка, становится невыносимо скучно, и меня развлекает только противостояние доктора Стоуна и Холлиса у моей постели, противостояние, никогда не принимающее форму открытого конфликта: доктор Стоун считает это ниже своего достоинства, а Холлис... кто знает, что думает Холлис? Он невозмутимо почтителен и крайне заботлив, лучшей сиделки я бы не мог пожелать. То есть не мог бы, если бы Холлис знал грамоту и читал бы мне вслух, когда я в состоянии следить за сюжетом.

Думаю, что доктор Стоун подозревает о том, что Холлис самовольно исправляет его назначения. Когда они сталкиваются в моей комнате, он сух, вежлив, немногословен и не спускает с него глаз, как с шулера во время карточной партии. Справедливо, кстати, подозревает, – а поскольку официальная медицина давно убедила меня в своей бессилии, то я не возражаю. Тем не менее, мне повезло, что доктор Стоун лечит меня «как друг», потому что если бы он лечил меня «как врач», я бы не смог оплатить его услуги. Главное – пережить ночь. К утру мне всегда становится лучше... Я похож на кролика, шмыгающего кролика с отеками красными веками, красными глазами и распухшим красным носом, и голову изнутри бьет красная боль.

Почему-то постоянно вспоминаются детские пословицы и поговорки, которых я не слышал, наверное, лет пятнадцать, и не думал, что помню. Например, когда ко мне приходит доктор Стоун, я едва удерживаюсь от того, чтобы продекламировать

Доктор Фостер
Отправился в Глостер.
Весь день его дождь поливал.
Свалился он в лужу,
Промок еще хуже,
И больше он там не бывал.

Мне скучно... Когда я лежу в постели, мне кажется, что я лежу в пустыне и меня медленно заносит песком, а на горло надели раскаленный железный ошейник. Песок забивается мне в нос и обдирает грудь, к ночи он так раскаляется, что я не верю в зиму за окном. Вчера я даже хотел открыть окно, чтобы проверить точно, но Холлис вовремя меня оттащил.

Некому было прочитать твое письмо мне вслух – Холлис неграмотный, а Хелен давно не приходит. Доктор Стоун говорит, что она приходила, просто я был слишком слаб – но я в этом не уверен. После доктора ко мне зашла леди Дэлси со своим той-терьером на руках. Холлис никак не мог его прогнать, он лаял всю ночь. Мерзкая собачонка, никакого толку от нее не было.

Она даже не смогла прогнать того, кто заглядывал в окно.

Тише, мыши, кот на крыше.
Кто не слышал, тот и вышел!

Я уверен, что (зачеркнуто) на самом деле я здесь не один.

Раз-два-три-четыре-пять –
Вышел сахар погулять.
Рядом зубки поджидают –
В прятки с сахарком играют:
– Хруст-хруст!..
Ай-яй-яй!
По столу растекся чай!

Матушка вместе с доктором Стоуном советует мне терпеть. Я не хочу!

и никто не хочет мне ответить.

Почему с деревянного потолка мне в рот капает черная смола

Почему перестала скрипеть половица

Кто заменил окно

Почему стены меняют цвет

Что случилось со вторым кроликом

Эки, беки, чай и крекер,
Эки, беки, бай.
Дятел номер двадцать девять,
Вы-ле-тай!
Вылетают птички,
Вылетают птенчики,
Вылетает леди
В темно-синем чепчике.
Сероглазой леди
Очень нужен чай.
Эки, беки, крекер,
Эки, беки, бай!

Почему под утро

в моей постели на полу на подоконнике на дне чашки лежат черные иглы

Что случилось с черным кроликом

Почему утром на подносе была только одна чашка

Он сказал, что вторую уже убрали, но он лжет.

Я спустился на кухню ночью

Я это видел, ты должен мне поверить, Джеймс, я в самом деле это видел.

Она не ушла. Она была там, на кухне, стояла за его спиной, пока он заваривал чай. Он был обнажен по пояс. Худая спина, гладкая смугловатая кожа. Хелен гладила его по спине тонкими белыми пальцами с какой-то задумчивой лаской. С улыбкой, едва намеченной уголками губ, абсолютно женственной улыбкой на полудетском личике...

Она любовалась... Бестрепетно прикасалась к растущим на его спине иглам – длинным, тонким, черным... Они топорщились от ее прикосновений, но его лицо оставалось невозмутимым. Его губы шевельнулись, он что-то сказал – слишком тихо, чтобы я мог услышать. К тому же у меня так шумело в ушах...

Она осторожно, кончиками пальцев сжала одну иглу и вдруг дернула, прикусив нижнюю губку... по белой ладошке вниз сбежала капля крови от кровоточащего основания иглы.

Она аккуратно уложила иглу на дно чашки, кивнула, и он залил ее кипятком... Она старательно помешала ложечкой, разгоняя поднимающийся над чашкой синий пар... Пар медленно

растаял, и вот она смотрит на Холлиса вопросительно, с лукавой улыбкой протягивает чашку ему... Он, выслушав ее, делает глоток и возвращает чашку ей...

Она выпила до дна, не отрываясь. Свободная рука продолжала гладить его по спине, по слишком тонким для мужчины плечам, по черным жестким волосам... И он вдруг упал перед ней на колени, глядя снизу вверх на ее раскрасневшееся, торжествующее лицо... Я не помню, что было дальше, может быть, я упал в обморок. Я очнулся в своей постели, и Холлис сказал мне, что мисс Чамберс сегодня не приходила.

Но я знаю, он лжет.
Он подарил ей розу
Ее корни в моей голове
– Маленькая девочка,
Скажи, где ты была?
Была у старой бабушки
На том конце села.

– Что ты пила у бабушки?
Пила с вареньем чай.
– Что ты сказала бабушке?
– «Спасибо» и «прощай».

Я знаю (зачеркнуто) знаю, что этот дом ненавидит меня.

Надо попробовать отвлечься. «Легенды, сказки и предания» давно меня ждут.

Из книги «Легенды, сказки и предания Северной Англии в обработке эск. Дж. Э. Фоллоу»

Первый, неопубликованный вариант «Сказки о двух братьях»

Ох и верно сказано, что зависть – собачье чувство! Раз выпустил – уже не уйдет, и добра от такой гостьи не жди. Вот жили у нас в деревне два брата...

Были они погодки, оба высокие, широкоплечие, сильные, и всегда, с детства самого, друг за дружку горой. Когда отец их умер, то наследство они поделили тихо-мирно, без ссор – что редкость большая! – и дома рядом выстроили. У каждого свое дело есть, оба работающие и потому не бедствуют оба... казалось бы, живи да радуйся!

Только в одном отличие было – у старшего брата жена родами умерла, а младший себе все невесту подыскивал, никак решиться не мог. Наконец привел он в дом жену, скромную сироту-бесприданницу. Не выдержал однажды старший, сказал ему: «Выбирал ты долго, брат, но уж выбрал! За двоих теперь тебе работать придется». Младший только отмахнулся «Ну и пусть! Хоть за двоих, хоть за троих!». «Не понимаю я тебя, брат...» – снова начал было старший. «Да, не понимаешь», – отрезал младший.

А жена поначалу глаза от пола поднять боялась и слово лишнее молвить – чувствовала, что не одобряет ее родня. Но когда освоилась, успокоилась, к новой жизни привыкла, а пуще того – в любви и ласке мужа отогрелась, то похорошела несказанно. Глаза, раньше вечно потупленные, у нее оказались блестящие, зеленые, как молодые листики, на щеках румянец заиграл, даже волосы каштановые, казалось, сами завились-закудрявились.

И вот однажды старший брат решил спилить в своем саду грушу, что еще прошлым летом засохла. Он это давно собирался сделать, но каждый раз что-то отвлекало, и откладывать приходилось – а тут срочных дел нет, спешить никуда не нужно, и денек такой славный, летний!

Груша была старым деревом, большим в обхвате, и работы ему предстояло немало. Он ее уже где-то до половины выполнил, когда решил передышку сделать. Положил пилу, разогнулся... и вдруг слышит – из соседнего двора песня доносится, задумчивая, протяжная, и напевает ее голос, что наводит на мысли о капающем в ульях меде – такой же сладкий и тягучий...

Не утерпел старший брат, заглянул осторожно через забор младшему в сад. Видит он – сидит золовка на лавочке под липой, поет и живот свой поглаживает, что уже округлился заметно, а волосы ее, наполовину заплетенные, ветерок игриво шевелит и до конца заплести мешает. И так глаза ее сияли, так она улыбалась, что старший брат от забора отшатнулся, словно ослеп от той улыбки.

Теперь, куда он и шел – везде она ему мерещилась, везде голос ее слышался... Понял наконец, что младшенький в ней нашел! Пришла к нему любовь, злая, запретная, а вместе с ней в сердце змеей зависть заползла. И в одночасье изменился старший брат – стал хмурым, молчаливым, угрюмым, все что-то обдумывал. И видно, мысли ему те не нравились, потому что желваки по щекам катались. А младшенький, заметив такие перемены, встревожился; очень узнать хотел, в чем же дело: в гости зазывал постоянно, расспрашивал, жену просил быть с ним приветливей, принимал-угощал со всем радушием.

И вот однажды показалось ему, что нашел он причину таких перемен. Были они в лесу тогда, выбирали дерево для сруба колодца. Зашли они довольно далеко, так что никто их беседе не мог помешать и подслушать.

– Ты, брат, не обижайся, но вот что я тебе скажу – в последнее время изменился ты сильно и говорить не хочешь, в чем дело. Хоть и говоришь, что все в порядке, но я-то вижу! Весь почернел, исхудал... Может, это оттого, что один, как сын, в доме своем живешь? В одиночестве сердце глохнет... Я вот, пока не женился, не мог понять, что за радость семейному быть, а теперь чувствую, что только так человек и может быть счастлив настоящим... Я вот что подумал... Лидия умерла давно, детей у вас не осталось... может, жениться тебе нужно?

– Может, – глухо отозвался старший, и младший, приободренный продолжил:

– Вот, например, Анни Спенс – веселая, добрая, приветливая, да и на тебя, прямо скажем, заглядывается...

– Нет. Мне не Анни нужна.

– А, так, ты уже выбрал кого-то? Что ж раньше не сказал?

– Да, выбрал. Ты прости меня, брат...

– Ничего младший понять не успел; ни закрыться, ни замахнуться в ответ, когда старший его топором ударил – только упал, землю лесную кровью залил. Старший глядел молча на обиду и недоумение в его глазах... недолго глядел, пока не убедился, что шансов выжить у того нет... развернулся и ушел. А перед тем, как уйти, сказал:

– Обещаю, что ребенка твоего как своего воспитаю. И жену твою постараюсь утешить...

Младший ему вслед не кричал, не упрашивал вернуться, только зубы стиснул до боли и смотрел, как тот уходит. Попытался пальцами рану зажать, чтобы кровь не хлестала, но слишком она была широкая – ничего не вышло.

Так он и лежал под елью, истекая кровью и постепенно проваливаясь в мутное бессилие. Мерешился ему то волчий вой, то шаги, а когда возвращалась к нему ясность ненадолго, он понимал, что умирает. И одного ему перед смертью хотелось – умереть, глядя в синее летнее небо. Пошевелиться он уже не мог, а ветви ели над ним сплелись наглухо и ни единый клочок неба не проглядывал.

Потом утих волчий вой, утихли шаги – он вообще что-либо слышать перестал, кроме шума в ушах и все убыстряющегося стука сердца. И в открытый рот с дерева черная смола капала – кап...кап...кап... горечи невыносимой! Но даже сомкнуть губы у него не было сил.

Разгулялся ветер, он игриво подталкивал ель, и та качалась, то открывая его взгляду голубое небо, то закрывая его вновь... И снова вдруг начало ему мерещится, что уже не ель над ним раскачивается, а склоняется человек, огромный, ростом с ель, и по плечам у него рассыпаны черные волосы, такие же жесткие и упругие, как еловые иглы. Наклоняется над ним, берет его на руки и поднимает вверх так высоко, что он становится намного ближе к облакам, чем к земле; и даже верхушки самых старых елей остались далеко внизу.

Он понес его прямо к своему лицу, такому огромному, что в его черных глазах было не одно отражение Дэвида, а несколько десятков, и спросил:

– Что ты мне дашь за свое исцеление?

– Все... Все, что угодно, – корчась от боли, пообещал Дэвид, вспомнив о последних словах брата.

– Ты согласен дашь мне то, о чем я попрошу, что бы это ни было?

– Да!

– И ты сдержишь свое обещание?

– Мое слово крепкое, как камень... как у всей нашей семьи...

– Хорошо!

И Лесной хозяин снова положил его бережно на землю и осторожно раскрыл ель, его кровью помеченную, раскрыл, словно занавеси отдернул, и поместил его прямо в золотистое, смолистое нутро дерева.

Почувствовал Дэвид, как укрепились в земле его корни, как заструилась по телу смола, как его мысли зашумели на ветру... почувствовал, что засыпает...

И снились ему дивные, спокойные сны о том, как он был деревом весь остаток теплого лета, и осень, и принял на свои ветви груз снега зимой... А весной, в самом ее начале, когда нет еще никаких примет и изменений, только цвет неба меняется и запах ветра, пришел к нему тот, кто поместил его в ель. Пришел и сказал:

– Все, пора. Или забудешь, что ты человек. Просыпайся! – он постучал по стволу, и тот загудел в ответ, словно тетива на луке.

– Просыпайся!

И он вдруг почувствовал себя не единым целым с деревом, а чуждой его частью, и стал задыхаться в ужасе в своем плену. Но от одного прикосновения пальцев того, кто стоял снаружи, ствол разошелся и выпустил человека... словно бы даже с сожалением.

– Вставай! – приказали ему, и он встал.

– Ты помнишь, кто ты такой?

– Да, помню... Меня зовут ... Дэвид... – и вместе со своим именем он вспомнил все остальное, своего брата и свою жену. Вспомнил и взглянул невольно на бок, куда пришелся удар. Тонкая розовая нить шрама почти исчезла на непривычно белой коже. Как Дэвид не был ошарашен, но понял, что следует поблагодарить того, кто перед ним стоит, с виду похожего на человека.

Запинаясь, Дэвид принялся его благодарить, многословно и довольно-таки бессвязно, пока тот его не прервал.

– Нет. Не благодари. За то, что ты сейчас пойдешь невредимый к жене и сыну, ты обещал мне дать то, о чем я попрошу.

– И чего же ты хочешь? – осторожно спросил Дэвид, смутно догадываясь, что речь пойдет не о деньгах.

– У чуда высокая цена, – словно прочитав его мысли, ответил Лесной хозяин. – Когда твоему сыну исполнится пять лет, ты приведешь его в лес и оставишь здесь.

– Что? Что ты с ним сделаешь?

– То же, что и с тобой, только он не будет спать.

– Ты... ты засунешь его в дерево?

– Нет. Он сам... станет деревом. Духом дерева, его душой. И счет его жизни пойдет не на десятки, а на сотни лет. Он будет счастлив.

– А... если я не отдам его? Своего сына?

– Тогда... – Лесной хозяин вздохнул – словно ветер в кронах прошелестел.

– Тогда я буду забирать одну жизнь в каждом поколении твоего рода.

Лучше тебе сдержать свое обещание, человек.

Когда Дэвид вернулся домой, он был так счастлив, что смог забыть о своем обещании.

Брат окружил его жену терпеливой заботой, и она охотно ее принимала, совершенно растерявшись после необъяснимого исчезновения мужа. Она терзалась вопросами: «Может быть, я стала ему нехороша, а он не сказал? Может, он бросил нас и ушел туда, где его лучше принимают? Что же я делала не так?»

Но когда его брат в первый раз завел речь о браке, Джесси отказала ему. Просто не смогла сказать «Да», что-то поперек горла стало. Он, не смирившись, те не менее скрыл свою обиду и продолжал помогать ей, дожидаясь, пока она привыкнет к нему настолько, что не сможет обходиться без него.

Когда Дэвид подошел к своему дому, дверь ему открыл его брат. И хотя, Дэвид изменился, он сразу узнал его, всей силой своей нечистой совести. Узнал – и за грудь схватился, и рухнул бездыханный на пороге, а Дэвид, чтобы жену обнять, спокойно через порог переступил.

Конечно, он ей не все рассказал. Как бы у него язык повернулся сказать, что он должен отдать их сына как плату за свою жизнь. Хотя иногда, глядя на ее сияющее радостью лицо, он думал, что она могла бы согласиться с

такой ценой – но не испытывал ее любовь и молчал. Спустя год жена родила ему дочку, бойкую, круглощековую и кудрявую, как мама, а еще через год – второго сына, мальшиа Ника. Дейзи, их дочь, унаследовала голос своей матери и уже в три года уверенно распевала с ней хором, заливаясь смехом, когда отец пытался им подпеть голосом медвежьим что по силе, что по слуху музыкальному...

Дэвид после своего возвращения стал с женой еще нежнее, еще ласковей, просто наглядеться не мог, и в деревне про влюбленную парочку зачастую говорили: «Воркуют, как Дэвид с Дженни». Только иногда Дженни огорчалась, замечая, что муж ее с Питером ведет себя намного суше и строже, чем с другими своими детьми; но тут же говорила себе, что на своего первенца Дэвид возлагает больше всего ожиданий, потому и строг с ним... но это вовсе не значит, что он его не любит.

Так, в мире и согласии, которое иногда тревожили призраки воспоминаний, прошло четыре года и семь месяцев. Когда закончился седьмой, январь, Дэвид решился.

К этому его подтолкнуло известие о смерти его дядюшки из Скарборо. Своих детей у него не было, и он завещал все свое имущество любимому племяннику. Имущество, надо сказать, немалое: добротный дом, рыбачий баркас, половина доходов от местного паба и определенная сумма звонкой монетой. Дэвид решил переехать туда, в Скарборо, подальше от Черного леса и от своего обещания. А еще – от воспоминаний о том, как он был деревом, слишком часто ему снился покой и родство с небом и землей...

Но Дэвиду еще нужно было уговорить жену так круто изменить их жизнь. Она возражала:

– С чего бы это нам переезжать туда, где мы никого не знаем? Ни родичей, ни друзей... Разве мы так плохо здесь живем? И Питеру будет тяжело с друзьями расстаться... а Ник еще слишком мал для переезда...

– Подумай, дорогая, – терпеливо уговаривал ее муж, – сколько мы потеряем, если решим все продать. Нам придется согласиться на ту цену, которую нам скажут, потому что вряд ли на дядюшкино наследство будет много покупателей. Да нам же просто руки выкрутят!

– И поэтому нам нужно срываться с места, где мы всю жизнь прожили, и ехать неизвестно куда?

Таких бесед было много, они забрали два месяца и две недели из трех оставшихся. Наконец его жена в слезах потребовала:

– Ну объясни мне, почему ты так хочешь отсюда уехать?! Ведь не в наследстве дело, я чувствую!

И Дэвид не выдержал, сломался, рассказал любимой жене все, без остатка. Рассказал, что не лесной отшельник подобрал его и выходил, а Лесной хозяин. Рассказал о заключенной сделке, о плате за свою жизнь. Рассказал – и замолчал, с тревогой глядя в глаза жены. А та не расплакалась, как он ожидал, наоборот, слезы высохли.

– Ты мне веришь? – наконец спросил он.

– Ты меня простишь?

– Может быть. Потом. Когда вспомню, что твоего сына еще не было на белом свете, когда ты это пообещал, что ты его не знал, не видел... не чувствовал...

Казалось, она опять готова была разрыдаться, но удержалась. И наутро стала собирать вещи, выдраивать дом, побежала по соседкам, чтоб те присмотрели за скотиной в их отсутствие... Как они не старались, а сразу уехать не получилось.

В ночь, когда Дэвид должен был отвести своего сына в лес, он собрал всю семью вместе и до утра рассказывал детям байки, пока они не стали клевать носом. Тогда, уже на рассвете, он уложил их спать и вместе с женой сидел над их кроватями, пока не пропели третьи петухи. Роковой день прошел, и ничего не произошло. Абсолютно ничего. Дэвид успокоился, его желание уехать из деревни как можно скорей немного утихло.

Дом их опустел, вещи перекочевали со своих привычных мест в сундуки и свертки, а большинство, за умеренную плату – в дома соседей. Даже на сам дом нашелся покупатель, который не стал им руки выкручивать и заплатил по совести – управляющий какого-то лорда, что их дом собирался снести и построить новый, каменный. Дэвид с женой благословляли чудаковатого лорда, который ради летнего отдыха пожелал забраться в такую глушь, и продолжали избавляться от остатков своей прежней жизни. Дженни не пожелала оставить себе ни единой памятной мелочи – даже картины, что она так старательно и с такой любовью вышивала по вечерам, она без сожалений раздала подругам.

Они грузили вещи в дилижанс, когда Дэвид спохватился:

– Дженни, а где же Питер?

– Побежал с друзьями прощаться, – отозвалась она, яростно нажимая на крышку сундука.

– Пора ему уже вернуться!

Но Питер не вернулся ни в оговоренное время, за час до отъезда, ни когда собрались все остальные пассажиры, ни когда отец заплатил кучеру, чтобы тот задержался еще на час, ни когда терпение кучера иссякло, и дилижанс в клубах поднятой им пыли уехал прочь. Сидящее на сундуках семейство беспомощно смотрело ему вслед.

– Ну, я его найду, паришвица! – пригрозил Дэвид, но вскоре его гнев сменила тревога, тревога, в которой он не хотел признаваться, и оттого еще более мучительная. А когда выяснилось, что Питера нет ни в их доме, ни у его друзей, ни в одном из его любимых местечек, то он увидел ту же мысль, ту же тревогу в глазах своей жены.

И вечером, когда уже стемнело, Дэвид решился – он отправился в лес с фонарем и топором. Долго плутал, прежде чем нашел то место, где пять лет назад валялся, обессиленный, и сел на землю, прислонившись спиной к стволу, потому что дрожащие ноги его не держали. Сидел, глядя на огонек свечи, пока тот не вспыхнул в последний раз за стеклом особенно ярко... и погас. И в обступившей его темноте Дэвид услышал голос, медленный и печальный.

– Зачем ты пришел?

– Это ты забрал моего сына? – собрав всю свою смелость, выпалил Дэвид.

– Нет, – ответил ему Лесной хозяин.

И не успел Дэвид обрадоваться, как он добавил:

– Твой сын сам пришел ко мне.

– Питер... сам? Не может быть! Ты лжешь!

– Я не лгу, – спокойно, без злобы ответил Хозяин. – Сын оказался честнее отца. Он узнал о нашей сделке и пришел сам, хотя очень боялся. У тебя хороший сын... Но было уже поздно, день выплаты прошел...

– Так верни его! Умоляю тебя, верни его! Он человек, его место среди людей! Можешь забрать меня вместо него, только отдай сына матери!

– Я не могу, – ответил ему Лесной хозяин, и на озере вдруг плеснула волна, вздохнул ветер...

– Почему?! Почему не можешь?

– Вы, люди, все время пытаетесь обойти законы равновесия... не понимая, что это все равно невозможно. Они для всех одинаковы. Чем дольше избегаешь расплаты, тем больше она будет, и тут уже ничего не поделаешь. Твоему сыну будет здесь хорошо, а ты... возвращайся домой.

– Нет! Отдай мне моего сына, или я весь твой лес в щепки изрублю! – Дэвид выхватил топор и замахнулся на ту самую ель, что пять лет назад приняла его к себе. Ель застонала, из раны потекла черная смола... а Дэвида швырнуло на землю так, что едва не переломало кости.

– Уходи, безумный человек! Я уже забрал одного в поколении, и не стану тебя убивать! Убирайся!

– Тебя... и весь твой лес... в щепки... – шептал Дэвид Стоун распухшими губами, выбираясь из леса. – В щепки, слово даю, а мое слово крепче камня...

А на поляне, рядом с огромным пнем старой ели, покачивалась совсем тоненькая черная елочка; вряд ли ее ствол насчитывал более пяти колец»

Отрывок из дневника мисс Хелен Чемберс

... Получилось! У меня получилось! Напрасно я сомневалась, меня просто переполняет энергия, бодрость, уверенность в своих силах и необыкновенная легкость! Мне кажется, что если я глубоко вдохну, то могу взлететь!

Как же прекрасно **чувствовать**, а не изображать радость жизни! Я и не подозревала, как тяжело мне было притворяться, ведь притворялась почти всю жизнь! А теперь боль в груди и во всех костях и суставах – исчезла! Свинцовая тяжесть в голове и груди – исчезла! Клокотание и шипение – тоже! Вечно подавляемый кашель – ушел! Большие никаких платков с кровью, которые нужно прятать от мамы! Наступил вечер, и а лихорадки все нет! Я даже буду скучать по тебе, **дорогая**, ведь ты делала мои глаза огромными и блестящими, но все же – уходи! Теперь я могу искренне предвкушать Лондон и свой первый сезон; и не разочарую свою матушку внезапной кончиной, ха-ха! Подумать только, что все, что я узнала от Э.Б., могло бы мне никогда не пригодиться, если бы не моя сообразительность.

Как легко мне все удалось! Первый мой осторожный намек на то, что его могут вышвырнуть из этого дома по любому поводу, который я не поленилась придумать – и он все признал! Видимо, я правильно поняла – он слишком уязвим для подозрений. Мне кажется, что-то ищет в этом доме и пока не нашел. Что-то жизненно для себя важное, иначе, я чувствую, он бы не сдался так легко, несмотря на всю шаткость своего положения. Кажется, я знаю, что именно!

А отговорки о том, что я «слишком хрупкий стебель и могу не выдержать», я считаю неуклюжей ложью. (Может, чтобы не тревожиться всерьез? Нет, для этого я слишком хорошо себя чувствую!)

Вот единственная трудность – мне было ч-вски неловко. Абсолютная неестественность ситуации вынудила меня прятаться за щитом вежливости, и у нас, пока он заваривал «чай», состоялась довольно странная беседа. Закончилась она неожиданно и быстро.

Записываю, пока впечатления еще не стерлись из памяти. Пожалуй, я пожертвую ритуалом, не буду сжигать этот дневник на Рождество – пусть остается на память о моей победе.

Я легко ускользнула от маман и так же легко попала в дом. На кухне и состоялся наш разговор, помню его дословно. Сперва он предложил мне «чай», и я отказалась.

– Благодарю... но сначала вы. Выпейте первым.

– Я не могу.

– Почему?

– Для меня это будет... довольно мучительно. Я могу умереть.

– Сочувствую. Но вы только можете умереть, а я знаю, что умру, и довольно скоро, и не хочу рисковать ни единым оставшимся мне днем. Я не знаю, что здесь – лекарство или яд, и не буду пить его первой.

– Я думал, что мы уже обо всем договорились.

– А я меняю условия. Я знаю, как сильно вы нас ненавидите, и не путаю милосердие с глупостью. Пейте, у вас нет выбора.

– Я знаю.

– Вот и отлично...

– Спасибо. Ох, до чего горько! Хотите, пока побуду с вами – если вам действительно станет плохо? Пока что вы выглядите вполне нормально.

– Благодарю вас, не стоит.

– А вы и в самом деле побледнели... Вообще-то, я не верю, что мой туберкулез исчезнет от нескольких глотков.

– Вы сумели поверить в меня... настолько, что стали шантажировать... это труднее.

– Знаете, это был первый раз, когда мое непомерно развитое воображение и любовь к чтению сослужили мне добрую службу. Конечно, о вашей способности исцелять напрямую там не говорится, но... я умею читать между строк.

– Весьма полезное свойство.

– Согласна... так вот, силой своего воображения я могу поверить в чудо, но в чудо абстрактное и далекое, никак ко мне не относящееся. В чудо, которое должно произойти непосредственно со мной, мне поверить намного труднее. Пока же я в своем состоянии особых изменений не чувствую... но что с вами? Вставайте!

Он не зря меня предупреждал. Он упал на пол в обморок прямо к моим ногам, едва не зацепив юбку, а потом забился в судорогах, изо рта поползла белая пена... В самом деле, это было ужасно – убедившись, что я ничем не могу ему помочь, а мне нужно торопиться, чтобы успеть к тому моменту, когда матушка зайдет пожелать мне спокойной ночи, я ушла.

Во всяком случае, он не умер, иначе доктор Стоун знал бы об этом. А мне пора, я слышу шаги матушки, она ни за что не оставит мне свечу. До завтра, мой любимый дневник! Приходилось ли тебе раньше слышать что-нибудь более интересное?

«Дорогой Джеймс!

Прошу простить меня за столь долгое молчание – я был нездоров. Только вчера впервые за три недели смог самостоятельно выйти из дома. Странно, как мало я обращал внимания на собственное тело, пока болезнь не вывела его из повиновения. Теперь самые простые вещи для меня словно чудо – чудо, что я снова могу свободно дышать, ясно мыслить и спокойно ходить, хотя еще слегка пошатываясь.

Мне очень повезло, хотя сейчас я не могу в полной мере порадоваться своему везению. В Блэквуде была настоящая эпидемия болезни, которая началась, как обычная весенняя простуда, а потом полдеревни свалилось в лихорадке. Она унесла семь жизней. Странная болезнь – она практически пренебрегла самой легкой и самой первой добычей любой болезни – детьми и стариками. Умирили крепкие, здоровые мужчины, которых я не раз видел за соседними столами в «Черной смоле»; но последней ее жертвой стала Хелен.

Мисс Хелен Чемберс умерла в это воскресенье, а я не смог даже прийти на ее похороны, я был тогда слишком слаб, даже чтобы подойти к окну.

Может, это и к лучшему – я запомню не черный прямоугольник, окруженный черной процессией, а живую *милую* Хелен. Как много воспоминаний для нашего недолгого знакомства, слишком много, чтобы оставаться спокойным. Я чувствую себя опустошенным этой смертью, выпотрошенным и выскобленным изнутри грубым ножом, как рыба на разделочной доске. Почему, Джеймс? Почему все должно было закончиться так беспощадно и внезапно? Действительно, после такого проще верить в Природу, которую обожествляет доктор Стоун, чем в Бога, подобного человеку и так поступающему с людьми.

Вчера меня навестила ее мать. Из эффектной дамы неопределенного возраста она превратилась в ссутулившуюся старуху – я не сразу ее узнал, впрочем, как и она меня – после болезни я выгляжу не лучшим образом. Она пришла поблагодарить меня за все те незначительные услуги, которые я оказывал ее дочери, но на самом деле просто для того, чтобы поговорить о Хелен.

Я не смог отказать ей в этом. Миссис Чемберс рассказывала мне, что отец Хелен умер от чахотки, и Хелен с детства страдала слабыми легкими. Все детство Хелен прошло для миссис Чемберс в непрестанной тревоге за дочь.

– Она у меня была стойким оловянным солдатиком, – вспоминала миссис Чемберс. – Я всегда подозревала, что она и вполнину не показывает, как ей плохо. Бывало так, что я сижу у ее постели, плачу, а она улыбается и меня успокаивает, хотя у самой жар и руки горячие... Но здесь ей стало намного легче, и я уже начала надеяться...

Она остановилась, чтобы справиться со слезами; и у меня самого сдавило горло, так, что я не смог произнести ни слова утешения. Справившись с собой, миссис Чемберс рассказала мне, как нравились Хелен наши уроки, как она всегда их ждала.

– Вышивание, музыка – это не слишком ее увлекало, а вот о лошади она мечтала давно, но наш доход не позволял... Когда-то мы гостили у моего троюродного брата в его поместье, у нее было пони. Как она плакала, когда нам пришлось оттуда ехать! Когда она успокоилась, то пообещала мне, что когда-нибудь покатает меня по Гайд-парку. В синей карете с серебряными

звездами, представьте себе! У нас были очень доверительные отношения, мистер Блессингем... Поэтому я не могу понять...

Миссис Чемберс оказала мне большую честь: она принесла дневник своей дочери и дала прочитать некоторые отрывки – записи, смысл которых был ей неясен.

Вопреки моим ожиданиям, даже с ее дневником на руках я не смог разобраться, как относилась ко мне Хелен. Не знаю, почему она так мало писала обо мне – то ли потому, что я стол же мало занимал ее мысли, то ли потому, что (как подсказывает мне мое тщеславие) занимал их слишком сильно.

Но много другое ... (зачеркнуто) Теперь я уверен, что это не было бредовым видением, которое мне навеяла лихорадка, пока я мирно лежал в постели. (зачеркнуто).

Миссис Чемберс уехала сразу после похорон к дальним родственниками.

– Буду там компаньонкой – приживалкой. Впрочем, теперь мне все равно, лишь бы уехать, – сказала она почти равнодушно.

Ты бы понял, насколько глубоко ее горе, если бы знал, как тщательно миссис Чемберс лелеяла свою гордость и независимость. На прощанье я отдал ей портрет Хелен. Просидел всю ночь, чтобы успеть закончить. Но я думаю, что это не все, что я могу для нее сделать. Думаю, я должен (зачеркнуто)

Думаю, я должен окончательно выздороветь в ближайшие два-три дня.

Тогда и попробую написать тебе более бодрое письмо.

Э. Б.

Черновик неотправленного письма к Джеймсу Э. Фоллоу

«Дорогой Джеймс!

Наконец я все понял! Нет, нужно начинать не так. Как говорил Белый Король, нужно начать с самого начала, дойти до конца и там остановиться. Хотя где здесь можно найти начало, если мой приезд сюда был предопределен двумя вещами задолго до моего рождения: проигранным наследством моего отца и его дружбой с тобой. Вынуть карту – и домик рассыплется... Голова кружится, когда пытаешься следовать по запутанным цепочкам совпадений и случайностей.

Как я и обещал тебе, через два-три дня после отправки письма мне стало намного лучше. Доктор Стоун, убрав слуховую трубку от моей груди, торжественно объявил, что из нее исчезли всяческие хрипы, и теперь он слышит только ровное дыхание здорового человека. А потом заявил, что нам нужно поговорить, причем обязательно не здесь, не в моем доме. Мне было и любопытно, и досадно – лечащему врачу ведь не совершь, что слишком плохо себя чувствуешь для поездки, верно? Пришлось согласиться, и мы отправились к нему домой в его карете. Когда мы приехали, и я получил бокал глинтвейна в целях укрепления здоровья, он заговорил о своей теории; и я подумал было, что сбылись мои самые худшие подозрения... но вышло так, что я был вынужден потом извиняться за свое недоверие.

Доктор Стоун показал мне две вещи – деловой журнал своей семьи за три поколения и реестр Блэквуда, где были записаны все смерти и рождения за то же время – и предложил мне поискать сходство в этих толстых томах. Я взялся за эту работу с явной неохотой, не рассчитывая ничего найти. Если бы не некстати вернувшаяся слабость, тепло от камина и покой кресла, в

котором я сидел, я бы развернулся и ушел. Я думал, что совпадения, которые выискал там доктор Стоун, менее пристрастные глаза не найдут даже с лупой. Но он не подталкивал меня, не навязывал своих выводов, не пытался ни в чем убеждать – молча сел в кресло напротив, а я открыл первый том. Джеймс, через час (проведенный в полном молчании!) я не поверил таким явным, грубым, бесспорным и необъяснимым совпадениям. В голове даже мелькнула мысль о подделке, но, когда я по-новому оценил толщину этих книг, их истрепанность, обилие имен и цифр, разные почерка и разные чернила, которыми делались записи, мои сомнения исчезли. Вот что я узнал.

Оказывается, черный лес Блэквуда вовсе не состоял из одних только черных елей, напротив, эти гиганты всегда были довольно редки среди обычных елей и сосен, и каждый случай, когда рубили черную ель, записывался отдельно.

И, сравнив записи, я увидел, что в те годы, когда рубили черные ели, смерть собирала в Блэквуде урожай, вдвое-втрое превышающий обычный; но люди умирали не от оспы или холеры, а от малейших царапин, после которых начинался антонов огонь, от кровохарканья после простуды, от кори и других детских болезней. Умирали мужчины в самом работоспособном возрасте от двадцати до сорока, которым, казалось, такие хвори должны были быть нипочем.

А ты знаешь – хотя откуда, ведь я не писал тебе – что у той, последней черной ели на площади треснул ствол, иглы пожелтели и осыпаются? Трещину заметили в день моего приезда... а через месяц умерло шесть человек... и Хелен.

Неужели это похоже на совпадение, на случайность? По-моему, это больше похоже на месть, и теория доктора Стоуна об одухотворенной Природе обретает иной смысл. А если допустить на мгновение существование духов Природы, в которых тысячелетия верили наши предки – то можно допустить, что они могут испытывать чувства, сходные с нашими. Что они, по-твоему, должны чувствовать к людям, уничтожающим их дом и убивающим их собратьев, после того, как они веками навязывали нам свою волю, веками внушали страх?

Может, ты еще не веришь, подыскиваешь правдоподобное объяснение, чтобы остаться в спокойном и привычном мире логики. Но я уже не могу так поступить, я чувствую, что самое невероятное с точки зрения здравого смысла и есть истина, какой бы неправдоподобной она не казалась.

Кажется, что все произошедшее со мной с дня приезда подготавливало почву к этому объяснению – даже твоя книга! Ты никогда не пробовал взглянуть на свои записи серьезней, чем на побасенки многовековой давности? Ты никогда не думал, что за ними стоит история во всей ее обнаженной неприглядности, что многое из того, что ты записал и обработал, следует понимать буквально? Не спеши считать доктора Стоуна безумцем, чья мания заразна – ведь тогда его безумие разделяет вся деревня. Помнишь, ты мне рассказывал, что на Сочельник в церкви освящают елочные гирлянды? А сторож, который всю ночь перед Рождеством обходит ель дозором? Ты ни от кого не мог добиться объяснения этих традиций и счел их, для собственного спокойствия, причудами сельской глубинки. Действительно, в последнее время этот ритуал несколько утратил серьезность, с которой совершался раньше. Именно потому, что обряд был нарушен и вдрызг пьяный

сторож отправился домой, долго сдерживаемый дух смог освободиться. Не все поняли серьезность происходящего, лес был укрощен и уничтожен слишком давно для короткой человеческой памяти.

Но доктор Стоун, в чьей семье лес забирал себе жертву в каждом поколении, не склонен был недооценивать угрозу. Он не разглашал своих подозрений раньше времени – он наблюдал и делал выводы. Теперь я с ним полностью согласен. Теперь я понимаю, почему в бреду мне мерещилось, что раскаленная черная смола капает мне в рот. Дневник Хелен, то, что я сам видел во время болезни, и наблюдения доктора Стоуна – все слилось воедино. Ты знаешь, что опорные балки в моем доме, единственном во всей деревне, сделаны из черной ели? Я не знал... Но теперь понимаю, что могло привлечь сюда Холлиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.